

АЛЕКСАНДР САНФИРОВ

Боевая фантастика

НАЧАЛО

ЗВЕЗДНОГО ПУТИ

Боевая фантастика (АСТ)

Александр Санфиров

Начало звёздного пути

«Издательство АСТ»

2016

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Санфиоров А. Ю.

Начало звёздного пути / А. Ю. Санфиоров — «Издательство АСТ», 2016 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-096933-3

Крепостные крестьяне сельца Чугуева, глядя на сопливого, грязного подростка, считали, что ему предопределено прожить жизнь деревенского дурачка, пасущего коров и играющего простенькие мелодии на своем рожке. Однако удивительное происшествие полностью изменило судьбу юноши. Бывший деревенский недотепа, над которым издевались сверстники, абсолютно неожиданно для окружающих выздоравливает, и с этого момента череда событий стремительно нарастает. Ее причудливые повороты делают нашего героя потомственным аристократом, наследником старинного рода, отдающим свои силы и способности на службу Российской империи и императору. Но это далеко не всё, что ему суждено в жизни. Когда наступит срок, он узнает, что должен совершить, чтобы опасность, угрожающая человечеству, исчезла.

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096933-3

© Санфиоров А. Ю., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Александр Юрьевич Санфиров

Начало звездного пути

Роман

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Александр Санфиров, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

День, как обычно, обещал быть знойным. Даже сейчас, рано утром, когда все хозяйки маленького сельца Чугуево уже подоили своих буренок и пытались выгнать их на улицу, на траве не было ни капли росы. А от низко стоявшего на горизонте кроваво-красного светила пыхало теплом.

– Мыколка, Мыколка, да проснись же ты, чертушка! – раздавался в крайней полуразвалившейся избышке старческий голос.

Внутри этого убогого жилища старая сгорбленная, кривая бабка тормошила на земляном полу грубую дерюгу, под которой кто-то спал.

Ее усилия принесли плоды. Под дерюгой раздалось шевеление, и на свет появилась взлохмаченная голова молодого парня, был он ужасно грязен. Из носа текли сопли, небрежно размазанные над верхней губой. Под глазом светился огромный синяк.

Он широко улыбнулся и пролепетал:

– Баба, уже пора?

– Да пора, пора, Мыколушка, вона коровки-то с дворов выходят. Давай подымайся.

Парень откинул дерюгу и решительно встал. Когда он выпрямился во весь свой немалый рост, то оказалось, что он почти в два раза выше своей бабки.

Одет он был в драные-передраные порты и длинную холщовую рубаху, перевязанную веревкой.

– Баба, ням-ням, – жалобно протянул он, обращаясь к старухе.

Та заворчала:

– Ням-ням, сказал бы хоть раз по-человечески. Эх, дурашка ты моя, сиротинушка неприкаянная!

Но тем не менее достала с полки корчагу с квасом и кусок черного хлеба.

Парень в один глоток выпил ядреный кислый квас и в два глотка съел хлеб, после чего с надеждой посмотрел на бабку.

– Чо смотришь, ничего, милоч, нетути больше. Давай-ко лапти обувай, кнут свой возьми, не как вчерась. И смотри, сёдни Марья Кторова тебе узелок собирает, не забудь, голова дырявая.

Мыколка радостно закивал головой, сопли снова полились из носа, и бабка вытерла их грязной тряпицей, еще больше размазав их по лицу.

Но его эти проблемы не волновали. Подвязав лапти, он накинул лямку холщовой торбочки через плечо и, взяв в руки кнут, вышел во двор. Тот представлял собой жалкое зрелище. Всё, куда ни глянь, заросло бурьяном, скрывающим жалкие остатки телеги и конской

упряжи. Гнилая соха валялась под поваленным тыном. Но для парня это было в порядке вещей и нисколько не волновало.

Выйдя на улицу, он вытащил из торбы берестяной рожок и заиграл заунывную мелодию, И тот же час коровы, стоявшие у домов, неторопливо двинулись в его сторону.

– Ты смотри, – как обычно сказала старая Степанида своей соседке Маланье, – дурак дураком, а коровы за ним как привязанные идут.

– Да уж грех жаловаться, – ответила Маланья, – пасет хорошо, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Мыколка подошел к дому Кторовых и терпеливо ждал, когда ему хозяйка вынесет чего-нибудь поесть. Действительно, хозяйка не задержалась. Она держала в руках небольшой сверток, который сама положила в торбу пастуха.

– Не потеряй, горе ты наше, – ласково сказала она, – после полудни поснедай, а водицы из ручья попьешь. Тебе корчагу с квасом дать все равно что выкинуть.

Парень согласно закивал головой и, вновь заиграв на рожке, отправился по пыльной дороге к околице.

У околицы он остановился и внимательно посмотрел на коров. Считать он, конечно, не умел, но тем не менее еще ни разу ни одну корову не оставил в лесу. Каким образом он их запоминал, была загадка для всей деревни, но сейчас это принимали уже как должное.

Убедившись, что коровы все, он умело щелкнул кнутом, коровье стадо прибавило хода, стараясь на ходу ущипнуть остатки травы вдоль дороги.

Путь на пастбище занял около получаса. Все коровы рассыпались по заливному лугу, где отросла сочная отава. А пастушок улегся на небольшом холмике, на котором рос огромный дуб. Вид с этого холмика на пасущихся коров был отличный. В тени под раскидистым деревом было прохладно. С дубом в деревне было связано немало слухов. Говорили, что он здесь рос еще до Мамае, а если найдется храбрец, что спилит этот дуб, то проклятие падет на него и его потомков до седьмого колена.

Деревенский поп решительно боролся с этим суеверием, но почему-то сам к дубу не приближался и разговоры о его уничтожении не заводил.

Местный помещик Илья Игнатьевич Вершинин, однако, гордился, что на его землях есть такая редкость и не раз во время охоты привозил сюда своих гостей, чтобы показать дуб, который был свидетелем сражения Дмитрия Донского с Мамаем.

А для деревенского дурачка это было просто очень удобное место для того, чтобы заваляться поспать еще на три-четыре часа, что он не преминул сделать.

Когда он проснулся, то солнце уже прилично повернуло на запад и начало снижаться над горизонтом. Как раз пора было перекусить.

Он развернул небольшой сверток. На грязной тряпице лежало две луковицы, ржаная лепешка и в отдельном узелке немного творога.

Дурачок быстро съел все, что лежало на тряпке, громко чавкая и кашляя от жадности. Потом с сожалением посмотрел на опустевшую обертку, осторожно собрал с нее крошки и кинул в рот. Но тут одна из крупных крошек упала в щель между корнями дуба. Он запустил туда палец, но достать кусочек лепешки не получалось. Тогда он обломил ветку и попытался выковырять эту крошку. Ветку от листьев он не догадался очистить, и та не пролезала в щель. Тогда он встал, залез в кусты, туда, где у деревенских был спрятан общинный топор, которым вырубали жерди для стогов.

Вновь усевшись у корней дуба, он начал расширять щель, вырезая кончиком топора кусочки коры и древесины. Периодически он пытался достать пальцем заветную крошку, но пока ничего не получалось. Неожиданно топор скрежетнул по чему-то. Мыколка нажал сильнее, и из корня вывалился черный блестящий камушек.

Удивленный парень сразу забыл о хлебной крошке и начал пристально разглядывать находку. Камешек был правильной округлой формы, с едва намечающимися гранями, в его глубине, казалось, мерцают оранжевые искорки.

Оставшееся до конца пастьбы время дурачок любовался своим сокровищем. Опомнился только, когда солнце почти лежало над лесом. Время торопило, поэтому он сунул камешек в свою торбу и, быстро собрав в стадо лежащих и жующих жвачку коров, отправился с ними в деревню.

Когда подходил к околице, там было непривычно многолюдно, он опоздал с приходом почти на полчаса, и это встревожило баб, привыкших, что пастух приходит всегда вовремя. Но радость оттого, что с их Пеструхами и Белянками ничего не случилось, пересилила тревогу, поэтому Мыколку никто не упрекнул. Только несколько босоногих мальчишек, сопровождаемых своими младшими, вообще голожопыми братьями и сестрами, громко кричали свою обычную дразнилку, на которую, как обычно, Мыколка не обращал внимания.

Дома его встретила заплаканная бабка.

– Баба, не плакай, не плакай, – заговорил Мыколка, глупо ухмыляясь, и тут же заплакал вместе с ней.

– Ох, горе ты мое, Мыколка, – вздохнула бабка, – осень уже на дворе, что будем делать, ума не приложу. Рожь не сеяли, в батраки тебя не берут из-за малоумия. Лето кое-как прожили, а что зимой делать будем? Единственное, что на ум приходит, возьмем мы с тобой суму и по миру пойдем, может, дотянем до весны, ежели Бог даст. А нет, так приберет Господь, и похоронят нас где-нибудь.

– Приберет, приберет, приберет! – начал повторять понравившееся слово Мыколка.

– Никшни! – крикнула бабка. – Не накликай беду, дурак!

Мыколка испуганно замолк и уселся на лавку, выудив откуда-то обгрызенную деревянную ложку.

– Ладно, – вздохнула бабка, – поснедаем, что Господь послал, – и поставила на стол горшок с кашей.

Вечером Мыколка лежал на развернутом на земляном полу тряпье и пытался рассмотреть в сумрачном свете свою находку. Бабка уже храпела на печке, едва теплой после топки остатками хвороста. Он крутил камень и смотрел на игру искорок в нем. Те сходились, сливаясь, вновь расходились, потом на одной грани появилась одна большая красивая искра, и он решительно дотронулся пальцем до нее. Это прикосновение навсегда изменило его жизнь.

На Земле, впервые за последние десять тысяч лет, вновь прошло колебание эфира.

Сообщение:

К Искину AP-345:

Модуль XX02 – вошел в контакт с аборигеном, попытка создать контакт не удалась. Нарушены мозговые нейронные связи реципиента. Ожидая распоряжений.

Искин разведывательного бота AP-345 модулю XX02:

Немедленно передать схему нарушенных связей реципиента на мои коннекторы, исключить возможность потери модуля реципиентом.

Приступить к фазе 09, не дожидаясь согласия аборигена.

Утром бабка встала, как обычно, еще затемно.

– О-хо-хо, – скрипела она, – болят старые косточки. Ох, надо бы лопух привязать, может, хоть колено ныть перестанет.

Она присела на лавку и горестно посмотрела на спящего на полу внука. Во сне тот размялся и скинул рогожу. Бабка смотрела на могучее тело юноши и думала свою обычную думу.

«Ну вот почему Господь ума ему не дал? За что такая напасть на Лазаревых нашла?» Когда семнадцать лет назад ее невестка родила долгожданного первенца, семья была не в пример больше, чем сейчас. Столько было радости! Но потом, когда внучок пошел только в два года и не заговорил в три, в деревне пошел слух, что Коленька – юродивый. Наверно, это как-то повлияло на невестку, потому что после этих родов детей у нее не было много лет. А сын повадился пить горькую. И хотя с оброком они справлялись, но семья стала нищать. В прошлом году же свалились сразу все несчастья, Егорка – отец Мыколки, провалился под лед на извозе и вскоре умер. А жена, забеременев под тридцать пять лет, умерла в родах весной вместе с рожденным ребенком. Вот и остались горевать бабка с внуком-дурачком. Такие невеселые мысли бродили в голове у бабки Глафиры, когда она начала расталкивать еще спящего Мыколу.

Вот его нечесаная лохматая голова появилась из-под одеяла и удивленно обвела все глазами. Мыколка вскочил и как обычно начал ныть, прося чего-нибудь съесть.

Бабка подтолкнула к нему деревянный ковш с квасом и засохший сухарь.

Парень радостно заулыбался и шмыгнул носом, из которого опять потекли сопли. Он нахмурился, поднял с пола тряпку и аккуратно вытер себе нос.

Бабка ахнула и, открыв рот, уставилась на внука.

– Мыколка, что стряслось с тобой? Всеблагое Господь на небесах, парень нос вытер, когда такое было?! – воскликнула она.

Но внук неожиданно уселся на пол и начал что-то искать, он перешарил всё на полу, зачем-то залез в свою торбу и, не найдя ничего, горько заплакал, сидя на полу.

– Мыколушка, родненький, скажи чего хоть ищешь? – запричитала бабка.

Тот, всхлипывая, начал говорить.

– Баба, рубить дуб, камень, вот сюда, камень был, здесь.

– Так ты камень, что ли, около дуба нашел, – догадалась бабка, – и сюды принес?

Внук радостно закивал головой.

Теперь к его поискам присоединилась и бабка Глафира, но они оказались безуспешны, найти камня так и не удалось. Поиски пришлось прекратить, потому что надо было идти собирать коров.

Мыколка повел коров на пастбище, все было вроде как обычно, но мир вокруг казался совсем другим, и в его голове один за другим возникали странные мысли.

– Интересно, а почему я пасу коров? – спросил он у бабушки, перед тем как выйти из дома.

Та посмотрела на него ничего не понимающим взглядом и упала в обморок.

– Баба, баба, проснись! – кричал Мыколка и тряс старуху за плечи.

Бабка открыла глаза.

– Перестань трясти, всю душу вытрясешь, – буркнула она, – так, что молвил про пастьбу? – с подозрением спросила она.

– Баба, почему я пасу коров? – вновь повторил свой вопрос Мыколка.

На этот раз бабка в обморок не упала, она сидела, смотрела на внука, а ее губы шептали:

– Чудо, воистину чудо Господне довелось узреть, дурак поумнел.

К Искину AP-345 от модуля XX02:

Сообщаю, исправление нарушенных нейронных связей проходит успешно, карта исправлений полностью усвоена реципиентом. Начинается период накопления информации. Модуль установлен в грудной клетке аборигена и не мешает его жизнедеятельности, начата перестройка организма, для уменьшения вероятности гибели аборигена.

Если бы коровы были разумны, то сегодня они бы весь день потратили на обсуждение изменений в поведении своего пастуха. Вместо того, чтобы, как прежде, улечься спать на пол-

дня и больше ничем не интересоваться, он копался около дуба, разрывал палкой почву, а потом, спустившись к реке, стал разглядывать журчащие по камням водные струи.

Он долго вглядывался в свое отражение в быстро бегущей воде, а затем храбро прыгнул туда. Выскочив оттуда с дикими воплями, он начал бегать по песчаной отмели, снова падал в воду, барахтался там не меньше получаса, затем вылез из нее, дрожа от холода и возбуждения. Недовольно поглядев на мокрую одежду, он стянул ее с себя и кинул на траву. Все еще жаркое августовское солнце и легкий ветерок быстро высушили покрывшуюся мурашками кожу. Промытые белокурые волосы, подстриженные под горшок, слегка кудрявились.

Сейчас ни одна бы соседка из деревни не признала в этом стройном мощном юноше замызганного деревенского дурачка.

Стоя голышом, он удивленно рассматривал свою руку, до того как купаться, он поранил ее острым сучком и сейчас тщетно пытался найти раненое место. На левой кисти не было ни единой царапинки.

Он поднял одежду и попытался надеть, но тут скривился от запаха, которого до этого момента не замечал. Подумав, он поднес свою руку к носу, затем так же обнюхал одежду, со скривившимся лицом, схватив свои тряпки, вновь помчался к воде и начал неуклюже их полоскать. После полоскания попытался неуклюже отжать одежду, при этом та начала подозрительно трещать, неизбежное произошло – старье, не выдержав напора сильных молодых рук, порвалось пополам.

Мыколка с удивлением глядел на тряпки в своих руках. Когда их развернул, оказалось, что он открутил нижнюю часть штанин у портов, а у рубахи весь низ. Но парень не унывал, он надел влажную одежду на себя и, сверкая голыми коленками, начал босиком расхаживать по лугу, удивляясь всему, что видел.

Сегодня он не задержался, как только солнце подошло к нужной черте, коровы были собраны, и стадо, услышав щелканье кнута, быстро потрусило к селу. Сельцо Чугуево было небольшим. И если б не церквушка, выстроенная в незапамятные времена боярином Вершинной, предком нынешнего барина, была бы это просто деревенька в двадцать два двора. А в ней восемьдесят семь душ, считая всех – от стариков до младенцев.

Господская усадьба стояла в другом, гораздо большем селе, расположенном в шести верстах от Чугуево, поэтому барин был тут редкий гость, большей частью в осеннее и зимнее время во время большой псовой охоты. Любил Вершинин охоту, имел триста борзых и тридцать егерьей. Сколько было остальной прислуги и гончих, никто не считал.

А правил сельцом староста Пров Кузьмич Малоедов.

Мужик он был тертый, прижимистый и весьма богатый. Однако, несмотря на богатство, на волю выкупаться не спешил, хотя его знакомцы неоднократно ему об этом говорили. Видимо, были на этот счет у него какие-то соображения. Его дочка Фекла, видная русоволосая красавица, в четырнадцать лет была замечена помещиком и попользована им в баньке. Хитрая девка вся пошла в отца и, воспользовавшись случаем, так привадила к себе пожилого и холостого вдовца, что тот со временем сделал ее чуть ли не главной в своем доме. Только присутствие в доме шестнадцатилетней дочери помещика Екатерины мешало ему сделать это слишком явным. Все же Илья Игнатьевич еще не совсем потерял стыд, и ему было неудобно перед дочерью делать свою деревенскую любовницу полной хозяйкой дома.

Зато Пров Кузьмич воспользовался так неожиданно свалившимся счастьем сполна. И за три года стал самым богатым крепостным Вершинина.

От хорошей жизни он даже растолстел, чего с ним никогда доселе не бывало, а ведь раньше полностью оправдывал свою фамилию.

Вот и сегодня вечером, покончив с делами, он важно прогуливался по единственной улице Чугуева – пыльной, наезженной телегами дороге, периодически пиная ногой разлегшихся в лужах свиней.

И вместе с бабами, ожидающими прихода своих коровенок, стал очевидцем появления в деревню преобразившегося Мыколки, как все называли дурачка, когда-то крещеного Николаем.

Степанида стояла, приложив руку ко лбу, чтобы не слепило заходящее солнце.

– Малашка! – охнула она. – Ты глянь, что ныне с Мыколкой приключилось, наверно, совсем крыша у него съехала! Порты оборвал, ты посмотри! Ай-яй-яй, стыдобища какая! Рубаху-то ободрал, аж пупок на пузе видать. Совсем совесть потерял!

– Ха-ха, да что говорить, Степанида, ты не забыла, что он ссать может в любом месте, уд свой вытащит здоровый и поливает дорогу.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись, вспомнив размеры этого уда.

– Вот ведь такое хозяйство дураку досталось, – вернулась Малашка к одной из излюбленных тем, – нет, чтобы справному мужику такое счастье привалило.

– Ну, Маланья, – поддела соседку Степанида, – я так и знала, что твой Юрка не может ничего.

– Ах ты, тварь подлая, откуда ты знаешь, наговариваешь, сука! – разъярилась Маланья.

Поэтому, когда Мыколка в своих оборванных портах зашел за околицу, никто не обратил на него особенного внимания, потому что все с увлечением смотрели на двух вцепившихся в волосы друг другу соседок. Ключья волос валялись на земле, лица у них были исцарапаны в кровь. Но ни одна не уступала. Конец этому делу положил староста, который снял большое деревянное ведро, висевшее на журавле, и окатил обеих женщин холодной колодезной водой.

Сразу после того, как холодная вода охладила страсти, обе бабы отцепились друг от друга и с новой силой начали орать на старосту.

– Ты! Сморчок вонючий! – кричала Маланья. – Тебя кто просил соваться, сейчас получишь тумачков.

– Точно, правильно говоришь, Маланьюшка, – поддержала товарка соседку, – будут тут всякие между нас встревать.

Но староста не испугался, выставил вперед свой живот и начал ругаться не хуже баб.

– Охолоните, бабы, сами побоище устроили, не по-божески это!

Немного успокоившиеся соседки, посмотрев на ухмыляющихся односельчан, пригладили волосы и накинули платки, сорванные во время драки.

Маланья быстро нырнула в свою хату, и оттуда уже слышались ее вопли, обращенные к мужу.

– А ты что, старый пень, сидишь! Над твоей законной женой измываются, а ты носа не кажешь! Ну, погоди, получишь у меня!

В ответ слышался бас ее мужа, а потом звук ударов, женский плач, потом всё стихло.

– Во, довела Юрку Малашка, – с удовлетворением сказала Степанида, – зато получила трюнделей.

После этого вместе с остальными начала разглядывать непохожего на себя дурачка.

То, что он был в порванной одежде, не так сейчас привлекало к себе внимание, главное было в выражении лица. Оно было чистым, никаких соплей и слюней не было в помине.

А самое главное, с его лица исчезла ухмылка, глядя на которую, раньше было сразу понятно, что с этим парнем что-то не так.

Сейчас же перед ними стоял обычный деревенский парень, высокий, пожалуй, выше всех в деревне, широкоплечий, он выжидательно смотрел на окружающих. Изменения были настолько разительными, что собравшаяся, как обычно, пацанва не посмела кричать свои дразнилки, а открыв рот смотрела на бывшего дурака.

Пров Кузьмич внимательно разглядывал Мыколку.

«Хм, похоже, кривая Глафира с утра не сочиняла, в точности дурак поумнел. Действительно, чудо великое. Надо бы батюшку известить. А вообще, парень-то, оказывается, богатырь, кровь с молоком, однако проверка требуется», – решил он про себя.

– Мыкола, – спросил он пастуха, – расскажи, что с тобой приключилось? Я смотрю, ты умытый и одежду сполоснул?

Юноша смущенно улыбнулся и, с трудом подбирая слова, медленно заговорил.

– Дядька Пров, я не могу в точности сказать, но до сегодняшнего утра как за стенкой был, ничего не видал и не слышал. А сёдни поутру встал, и как будто эта стена упала, вокруг совсем не так, как вечер было, все ясное такое, чистое.

Сзади раздался шум, Пров Кузьмич обернулся. Сзади него на земле сидела попадья Акулина, она очумело крестилась и шептала:

– Свят, свят, отгони нечистого, дурак поумнел, наверно, конец света близится!

Акулина вставала поздно, а сегодня пекла пироги и ничего не знала, в отличие от других баб, которых Глафира уже с утра просветила о нечаянном излечении своего внука. Поэтому сейчас она от неожиданности просто обомлела.

– Акулина, – строго сказал Пров Кузьмич, – ты чего мужа своего позоришь, ну-ка быстренько подымайся, а то я батюшке передам, чтобы он тебя поучил уму-разуму. Толстая Акулина с трудом поднялась и, со страхом глянув на Мыколу, понеслась домой, вводить в курс дела своего мужа.

Тут появилась Глафира, которая ковыляла с другого конца деревни, чтобы посмотреть, почему ее внука так долго нет, хотя коровы уже расходятся по домам.

– Мыколка, – сразу завопила она, – ты что, дурак эдакий, со своей одежей сотворил. Где я тебе новую справлю?

Мыкола сразу повесил голову и покраснел.

У Прова Кузьмича, глядевшего на эту картину, резко заработала голова.

«Парень-то явно поумнел, и здоровый какой, а мне как раз работник нужен, сейчас я его за харч да одежу-то сговорю, пока кто другой не догадался. Тот же отец Василий, поп хитрожопый, который день ищет себе батрака».

Прова Кузьмича, как мужика практического склада, не занимали умные мысли типа, каким образом дурак поумнел, он сразу начинал думать, а что можно с этого поиметь.

– Глафира, – сказал он строгим голосом, – мыслю я так, что Мыколу твоего могу взять в батраки, вижу, действительно поумнел он, да и вежественный, не то что молодежь наша. А коров пасти есть тут пацанов бестолковых, пусть делом занимаются.

Бабка, не веря своим ушам, смотрела на Прова. Недаром она день и ночь молила Николая Угодника и Богородицу, внял Господь и святые ее молитвам, не помрут они ныне голодной смертью, не замерзнут зимой у чужих ворот.

– Спаси тебя Господь, Пров Кузьмич, за милость такую, бери мово дурака, он хоть с головой не очень дружит, но работник отменный. Кланяйся, Мыколка! – рявкнула она на внука. – Благодарю Прова Кузьмича за милость неожиданную.

Они вдвоем согнулись в пояском поклоне перед засмущавшимся Кузьмичом. Он хоть и был прижимистым и скупым мужиком, но мироедом не был, за что его общество сильно уважало.

– Да ты, Глафира, не сумлевайся, – начал он путано оправдываться перед старухой, – положу я внуку твоему, как всем, не менее. И одежу ему справлю. Только чтобы работал он хорошо.

Пока они разговаривали, окружающие медленно разошлись по домам, разнося новости тем, кто их еще не знал.

А Пров Кузьмич еще долго стоял, провожая взглядом ковыляющую бабку и ее внука, который возвышался над ней, как башня.

Весь вечер бабка проговорила с внуком. Того как будто прорвало, он задавал столько вопросов, сколько она не слышала много лет. Эти вопросы вначале были совсем простые, и бабка с усмешкой объясняла их Мыколе. Но затем вопросы стали сложнее. Когда внук спросил, что за штуки висят в красном углу и почему там горит огонек, она, собственно, ничего не могла объяснить и сердито сообщила, что ему надо идти к отцу Василию, он научит его закону божьему, а то сам крещеный, а ни одной молитвы не знает.

Она все же научила его двум молитвам, и внук повторил их без ошибок уже со второго раза.

В кои веки в доме пришлось зажечь лучину, потому что возбужденный парень не ложился и все пытался спросить что-нибудь еще.

Следующим утром Мыкола проснулся сам, едва только бабка слезла с печки. Они быстро перекусили квасом с редькой и остатками пареной репы и отправились на двор к Прову Кузьмичу. Там уже тоже все встали. Сам Кузьмич бегал по двору и командовал двумя батраками, которые запрягали лошадей. Бабы в сарафанах и замотанные платками так, что были видны одни глаза, были в полной боевой готовности ехать на поля. Рожь уже дошла, и надо было срочно закончить с жатвой, пока она не начала осыпаться.

– Ага, вот и ты, – удовлетворенно сказал Пров, повернулся и крикнул жене: – Марфа, выдай Глафире муки треть мешка нынешнего помола и подыщи из старого одежду работнику!

Окружающие не перестали работать, но косили глазом на Мыколу, всем было ужасно интересно посмотреть на поумневшего дурака.

Бабка, получив заветный мешок с мукой, довольная поковыляла домой. Мыкола, или, как теперь его кликали, Николка, снял свою разодранную одежду, впрочем, заботливо убрannую Марфой, и надел новую, немногим лучше прежней, вынутую хозяйкой из объемистого сундука. Когда он вышел из дома, все сидели по телегам и с нетерпением ожидали его. Он тоже быстро уселся на край телеги. Возницы щелкнули вожжами, и телеги медленно двинулись вперед.

Да! Так еще Мыколка не работал! Как только приехали на место, бабы и девки, взяв в руки серпы, пошли жать, с края поля виднелись только их спины. Лишь изредка они выпрямлялись, когда, перевязав очередной сноп, ставили его в скирды.

Мыколке быстро наказали, что делать, и он начал грузить снопы, те, которые уже высохли за несколько дней жары. Когда он накидал в телегу снопов выше своего роста, возница, младший сын Прова Кузьма, туго перетянул снопы веревкой и поехал к дому. Но посидеть не удалось, тут же подъехала вторая телега, и работа продолжилась.

Работа продолжалась без перерывов, и только после полудня раздался крик хозяйки, что пора обедать.

Работники расселись около стана, стараясь спрятаться в тень за телеги или скирды, и ели холодную гречневую кашу, запивая ее квасом, каждому было выделено по вареному куриному яйцу и по четверти хлебного каравайя, так Мыколка еще никогда не ел, и после обеда еле шевелился от непривычной еды. Молодые девки со смехом убежали купаться на речку, и тут к нему подсел Кузьма.

– Слышь, дурачок, пошли за девками подсмотрим, а потом ты выскочишь и их напугаешь.

– А почему я? – спросил удивленно Мыколка.

– Ха, ты же дурак, тебе за это ничего не будет, – убежденно сказал Кузьма, – а мы посмеемся.

– Я пойду, – сказал Мыколка, – только пугать никого не буду.

– Ну и ладно, не пугай, – обрадовался Кузьма, – давай быстрее пошли, а то они скоро оденутся, работа ведь не ждет.

Они втроем с Кузьмой и еще одним братом Фролом подкрались к высокому берегу старицы, где визжали и плескались голые девки.

Раздвинув ветки ивы, Мыколка увидел девушек, стоявших по пояс в неглубокой воде. Он глядел на их стройные тела, белые грудки с розовыми ореолами сосков и чувствовал в груди непонятное томление, он еще никогда не испытывал такого чувства. Все его внимание было там, и он не заметил, как перемигнулись братья, а потом схватили его за руки и ноги, и, раскачав, швырнули в воду.

Девки подняли жуткий визг, но вместо того, чтобы убежать и одеться, начали впятером колотить парня. Мыколка же блаженствовал, в упор разглядывая все девичьи прелести, вплоть до темных треугольников внизу живота, стараясь как будто нечаянно дотронуться до них.

Увидев, что их колотушки не приносят результата, девицы быстро выскочили на берег и накинули рубахи, а потом стали обстреливать Мыколку комками грязи. Вот тут ему уже пришлось нырять, чтобы уйти от обстрела. Но вскоре на берегу появилась хозяйка и все быстро прекратила. Надрала уши Кузьме, как будто он был еще мальчишкой, и отправила всех на работу.

Когда Мыколка уже в сумерках шел домой, то его слегка качало, а Пров Кузьмич, проводив его удивленным взглядом, еще раз похвалил себя за удачное приобретение. По его расчетам дурачок, непривычный к такой работе, должен был свалиться уже после обеда, а он отработал не хуже других и вполне нормально идет домой.

Когда Мыколка зашел в дом, там пахло свежим хлебом, такого запаха в их доме не было давно.

– А вот и работничек мой пришел, надежда моя и опора, – зачастила бабка, – садись, касатик ты мой, небось без задних ног домой дошел. Я-то с утреца ведь опару поставила, торопилась, чтобы к вечеру хлеб испечь, очень хотелось тебя свежим хлебцем угостить.

Мыколка поужинал и сразу заснул. Бабка только перекрестилась.

– Слава Господу, умаялся горемыка так, что даже с вопросами своими не приставал.

К Искину AP-345 от модуля XX02:

Сообщаю: полностью восстановлены нейронные связи реципиента, начато их усложнение для возможности установления ментального контакта с аборигеном. Продолжается накопление информации об окружающем мире. Перестройка защитных систем организма аборигена происходит без сбоев. Полный цикл перестройки определен в три оборота планеты вокруг звезды.

Вскоре в селе привыкли к тому, что Мыколка, или, как его стали называть, Николка, поумнел, и его появление на улице не вызывало особого интереса. В свое время он получил прозвище Мыкола из-за того, что его речь больше напоминала мычание. Ну так как сейчас он говорил не хуже всех остальных, то и прозвище это уже почти никто не вспоминал.

Он остался таким тихим и спокойным, как и раньше. Но вот деревенские парни, его одноклассники, в компанию к себе его не брали, видимо, у них уже прошел тот возраст, когда можно было принять в друзья человека, которого они всю свою короткую жизнь считали дураком. Зато деревенские девки были совсем не против, чтобы Николка обратил на них свое внимание. Высокий широкоплечий с кудрявыми белокурыми волосами, он просто притягивал их взгляды. Тем более что Пров Кузьмич не мог нахвалиться своим батраком, считая его самым ценным приобретением. Парень с усердием брался за любую работу и, несмотря на то, что никогда этим не занимался, осваивал нехитрые крестьянские умения очень быстро.

У его дома тоже потихоньку был наведен порядок. Двор был выкошен от бурьяна, все сгнившее барахло было или выброшено, или распилено на дрова. А на самом доме желтела новая соломенная крыша.

Его старая бабка как-то сразу потеряла свою шустрость, ходила по деревне важно и вразвалочку, как бы намекая, что она теперь не совсем голытьба, хотя, в общем, пока они оставались в полном смысле такой голытьбой.

Теперь у нее появилась другая навязчивая идея. Она вознамерилась женить своего внука.

И каждый вечер, когда Николка сидел за столом, она начинала закидывать удочку на эту тему.

– Коленька, внучок, – ласково говорила она, – пожалей ты меня, старую, нет в доме женской руки, не могу я с делами справиться. Надо бы тебе жениться. Вон девки как на тебя глазами сверкают.

– Бабушка, – возмущался Николка, – ты подумай, ну кто за меня пойдет, нищету плодить?

В ответ бабка хитро улыбалась, что в сочетании с ее слепым глазом было не очень приятное зрелище.

– Так надо девку-то взять из зажиточного дома. Вот посмотри, у Маланьи дочка-перестарок все дома сидит, никто не взял, потому как рябая. А что рябая, с лица не воду пить. А девка – огонь, всё в руках горит, и приданое богатое дадут, вот и будем жить поживать и добра наживать.

– Бабушка, – возмущался Николка, – ну что ты говоришь, этой Машке уже лет двадцать пять, она старуха уже, а ты мне ее замуж предлагаешь брать. Не будет этого.

Вот таким образом и проходили вечера в их доме. Бабка не успокаивалась и каждый день предлагала новые кандидатуры косых, рябых и старых девок, мотивируя это тем, что другие девки хоть и заглядываются на него, но замуж за бывшего дурака и бедняка не пойдут.

Между тем, к удивлению Прова Кузьмича, у Николки оказался талант организовывать работу, получилось это все незаметно, но в один день староста понял, что Николка Лазарев сам распоряжается вместо него, а он – хозяин, только согласно кивает в ответ на его слова. И тут он задумался.

«А ведь из дурака-то получается справный мужик. Вон у меня на вольных харчах как раздался. И голова у него варит, будь здоров. Такой не пропадет нигде. Мои два оболтуса рядом с ним как дети малые, хоть годами наравне идут».

Он поглядел на своих дочерей, усердно работавших колотилом, и подумал: «Фекла, молодец, своего не упустила, теперь с серебра ест, а эти две клуши поперек себя шире, все женихов ждут, да женишки-то все пустые, надо бы помыслить сурьезно насчет Николки. Такой в примаках недолго будет ходить. Быстро дом свой наладит».

Мыслей этих он не оставил и вечером побеседовал на эту тему с женой.

Та начала кричать, что зачем им нужна голытьба, да еще вдобавок и дурак, но Пров спокойно выложил свои доводы. Супружница, в конце концов, согласилась с ним и пообещала поговорить с дочерьми, чтобы те обратили внимание на скромного и работающего батрака. Разговор этот произошел довольно быстро, и девки даже обрадовались такому предложению, они и сами давно приметили пригожесть нового батрака, но боялись тятеньку. А сейчас кинулись ловить удачу.

И обе стали преследовать батрака, то Лукерья как бы невзначай пройдет мимо и подарит улыбку. То Парашка прижмет в овине, когда никто не видит, крупной грудью, да так, что перехватит дыхание.

Другие батраки быстро заметили эти действия и не оставили их без внимания, периодически кто-нибудь из них проходил по этому поводу. Конечно, в их словах было больше зависти к удачливому парню, который еще пару месяцев назад ходил по деревне весь в грязи с глупой ухмылкой на лице, сопровождаемый ребятней, которые хором пели свои дразнилки. Между собой они часто проходились по этому поводу, а старый Никанор, одинокий бобыль,

который всю жизнь проходил в батраках, и община даже не выделяла ему землицы, высказал предположение:

– Так, робя, дело тут мудреное, вот как бы в один день прекрасный, энто́т вьюнош снова бы дураком не стал. Вот что тогда наш Пров делать будет с таким зятьком?

– Ну, ты скажешь, Никанор, – возразил другой батрак, – где это видано, чтобы вновь дураком стать.

– Хе-хе, – дробно рассмеялся Никанор, трясая жидкой бороденкой, – а где ты видал, чтобы из юродивого обычный человек получился.

И все три мужика, ведущие глубокомысленный разговор за вечерним столом, задумчиво глядели друг на друга.

Надо сказать, что Прова Кузьмича такие мысли тоже посещали, но когда он начинал разговаривать с Николкой, эти тревоги уходили. Парень понимал его с полуслова и в точности выполнял все распоряжения.

Кроме всего прочего, преобразившийся парень пришелся по душе отцу Василию, которой вначале на полном серьезе пытался понять, не вселился ли в него нечистый, как кричала ему Акулина, когда в первый раз увидела поумневшего дурака. Теперь каждое воскресенье Николка ходил в церковь не только стоять заутреню и обедню, но и изучать грамоту по Священному Писанию, и поп не мог нахвалиться своим очень сообразительным учеником.

Но главное, у Николки оказался сильный голос, тенор, и поп, сам хороший певец, взял Николку в певчие, и тот вместе с несколькими мальчишками пел в церкви по время богослужения.

Когда это случилось в первый раз, Глафира шла домой после службы, гордо оглядывая соседей, а из ее единственного глаза текли слезы.

Уже пришел октябрь, у Прова Кузьмича все было хорошо, рожь была убрана, овес тоже. Амбары были полны, и сено в стогах было вывезено с полей. Он рассчитал всех батраков, и теперь у него остался только один Николка, который теперь успевал делать всю нехитрую работу. Кузьма и Фрол собирались со снегом идти на отхожий промысел.

И в это время старшая дочка Прова решила навестить родителей. Она это делала не очень часто, но и до нее дошли слухи о преображении Мыколы в работающего батрака, и женское любопытство погнало ее в дорогу.

Когда на дороге появилась барская бричка, запряженная двумя конями, в деревне начался переполох. Сам Пров Кузьмич вылетел из дома встревоженный, готовясь принять так неожиданно приехавшего барина. Но из брички, важно ступая, вышла сияющая красотой Фекла, разодетая по-господски, могучий кучер нес за ней несколько узлов с подарками.

– Фу-у – облегченно выдохнул Пров, – Фекла Прововна, ох и напужала ты меня своим приездом, у меня дыхание аж перехватило, все думал, чего вдруг Илья Игнатьевич вздумал приехать, – и полез обниматься.

Фекла капризно изогнула губы.

– Тятя, ну чего лезешь, не видишь, какой у меня туалет?

– Чего-чего, какой еще туалет? – удивился староста.

– Ох, и недалекий вы народ, – вздохнула Фекла, – ничего не знаете. Все только про рожь да Тимофееву траву разговоры ведете. Не знаете, что в европах делается.

Староста стоял с раскрытым ртом и восхищался дочкой. Видать, хорошо она с Вершинным живет, раз такую фифу из себя строит.

На всякий случай он еще раз поклонился и сказал:

– Простите, Фекла Прововна, темнота мы дурная, не знаем, о чем вы говорите. В европах не бывали.

Фекла засмеялась:

– Ой, ладно, батя, хватит дурака из себя строить, не дашь даже повыделываться.

Пров Кузьмич ядовито улыбнулся и тихо сказал:

– Не стыдно перед родным отцом выделяться, хочешь, пройдишь по селу, так перед подружками бывшими можешь сколько хочешь монистами трясти.

Но тут в разговор ворвались Лукерья и Парашка, а за ними уже спешила Марфа. Сразу раздались визги, восторги, из рук кучера были вырваны узлы и немедленно развязаны. Для своей родни Фекла подарков не пожалела. И сейчас женская половина дома примеряла платки и сарафаны, купленные на последней ярмарке в ближайшем городке.

Сама же Фекла участия в примерках не принимала, а, уединившись с отцом, вела обстоятельную беседу по поводу выкупа родственников из крепости.

А тот доказывал, что пока не видит смысла в этом, потому как возникнет сразу очень много проблем, которые сейчас его обходят стороной.

Наконец, после беседы Фекла как бы ненароком спросила:

– Тятя, а что тут у вас случилось, я слыхала, что Мыколка-дурачок поумнел негаданно. И в батраках у тебя работает.

Пров Кузьмич засмеялся.

– Так вот чего ты прикатила, услышала про дурака, который словно Сивке-бурке в одно ухо влез, в другое вылез и молодецким стал. Так точно почти как в этом сказе и случилось. Вечером лег дураком спать, утром уже умным стал. Сейчас его покличу, сама убедишься.

Пров вышел из дома и крикнул Николку. Тот возился в сарае с упряжью и, услышав зов хозяина, прибежал с хомутом в руках.

Пров Кузьмич ухмыльнулся.

– Хомут-то положи, не убежит, пошли со мной, посмотрят тут на тебя.

Фекла уже несколько лет почти безвыездно жила в имении Вершинина, еще с тех пор, как он девчонкой затащил ее в баню. Она просто боялась оставлять его надолго, боясь, что ее место займет другая, и ей придется опять работать прислугой в доме и выполнять чьи-то приказы, а не отдавать их самой. Сегодня она смогла приехать, потому что Илья Игнатьевич изволили уехать в город за французскими романами для любимой дочурки.

Она немного помнила Мыколку, он был на три-четыре года младше ее, и представлял в ее памяти вечно грязным, сопливым мальчишкой, с всегда глупой ухмылкой на лице и капающими слюнями.

Поэтому, когда ее отец вошел в комнату с высоким красивым парнем, она пыталась заглянуть им за спину, ожидая, что такой мальчишка сейчас появится следом за ними.

Отец отлично понял, чего она ждет, и сказал:

– Ну что, поздоровкайся, вот Лазарев Николай перед тобой собственной личностью.

Фекла глянула на спокойно стоящего перед ней парня и поняла, что пропала.

Она, всегда бойкая и несдержанная на язык, смущенно молчала и не знала, что сказать.

– Он что, всегда тихий такой? – после минутной паузы спросила она у отца.

– Да не тихий он, а рассудительный, – ответил Пров, – думаю, что ежели до лета доживем, так старшим его над батраками поставлю.

– Нет, тятя, ты уж извиняй, но заберу я его у тебя, давно такого парня искала, казачок мне для поручений нужен, – сказала Фекла, пристально глядя на отца.

Пров побагровел.

– Ну-ка, Николка, иди, займись упряжью, не нужен ты более здесь.

Когда тот вышел, он повернулся к дочери и прошипел, оглядываясь на двери:

– Ты что же, тварь бесстыжая, творишь, ладно живешь невенчанной с барином, то его грех, да и прибыток в том большой. А парня зачем к себе тащить? Думаешь, Вершинин совсем ничего не поймет, к чему ты казачка смазливому себе взяла.

Фекла тоже покраснела и начала доказывать, что ничего такого она и не думала и не хотела.

Но Прова Кузьмича на мякине было не провести, он только усмехался в ответ на доводы дочери.

Но все же молодость победила, когда Фекла сказала, что не хочет добром, то приедет сам барин и прикажет Николку отправить в имение. Пров Кузьмич со злости плюнул и сказал:

– А-а, делай все, что хочешь, самой потом на конюшне под розгами лежать, парня только жаль, запорют из-за тебя до смерти.

Через пятнадцать минут все в доме уже знали, что Фекла забирает Николку, обе ее сестры ходили надутые и шептались по углам. Пров Кузьмич ходил мрачный и кричал на всех, а Марфе даже отвесил плюху, чего он не делал уже несколько лет.

И только Фекла, довольная собой, собиралась в обратную дорогу.

Когда садилась в бричку, то сказала со стальным оттенком в голосе провожающему ее отцу:

– Чтобы завтра к обеду Николка предстал передо мной в имении. Пусть и бабку свою забирает, найдем ей угол какой, чай, я не супостат, чтобы их разлучать, помрет старуха еще с тоски.

К вечеру уже все село знало, что приезжала Фекла и забрала Николку в имение, судачили об этом тихо, по углам, но все сходились в том, что у Феклуши крышу сорвало совсем, и добром это дело не кончится.

Бабка Глафира тоже сразу поняла, с чего это Фекла приказала им прибыть в имение, и начала поливать ее самыми последними словами. Сам Николка сидел в раздумьях. Он последнее время начал тяготиться пребыванием в работниках у Прова Кузьмича. Он сам не понимал себя, но почему-то его начали раздражать монотонная жизнь и общение с батраками, душа хотела чего-то, а чего было непонятно. Он уже выучил алфавит и свободно читал не только современный текст, но и священные книги, написанные на старославянском языке, что приводило в полный восторг отца Василия. Но поговорить о прочитанном было не с кем, никого это не интересовало.

И вот сейчас появилась возможность немного изменить эту жизнь. Он тоже прекрасно понял, что просто понравился Фекле, поэтому она и решила взять его в имение. Когда он ее увидел, то сам был поражен, после одетых в сарафаны и душегрейки, замотанных в платки девок, перед ним была красавица, одетая в шелка и муслин, с замысловатой прической. И он с волнением думал, что эта красавица взяла его к себе не просто так. И только холодком по животу проходила мысль, что будет, если об этом узнает Вершинин.

Делать было нечего, и следующим днем бабка с внуком, собрав в узелки свое имущество и подперев дверь избы палкой, отправились к Прову Кузьмичу, ведь тот обещал расшедриться на телегу, чтобы доставить их в имение.

День был холодный, дул северный ветер, лужи по дороге замерзли, периодически сыпал мелкий снежок. Бабка сидела, сгорбившись, на телеге, закутавшись в тряпье, и шмыгала носом. А Николка шел впереди, периодически останавливаясь, чтобы не уйти слишком далеко. Кузьма, правивший лошадей, неоднократно предлагал перестать маяться дурью и сесть рядом с ним, но внутреннее беспокойство не давало Николке это сделать. По извилистой, ухабистой дороге с неоднократными бродами через ручьи они через четыре часа добрались до села. Село Покровское, где было имение, было несравнимо с Чугуевым, в нем жило почти тысяча душ. Именно с этого села шло все богатство Вершининых.

Надо сказать, что крепостные Вершинина жили в целом неплохо, по сравнению с крестьянами у соседских помещиков. А то, что он никогда не давал забривать молодежь в солдаты и покупал для этого людей со стороны, вообще было большой редкостью.

Когда из небольшого леска они выехали в поля, Николка замер в восхищении. Когда он слушал рассказы батраков о редких посещениях Покровского, то он представлял себе барскую усадьбу просто большой избой, ну, может быть, раза в два больше, чем у Прова Кузьмича. А

тут среди голых деревьев стояло чудесное белое двухэтажное строение с колоннами. Высокая кованая ограда окружала все это великолепие, а уж за ним стояли флигеля для гостей, и уже совсем далеко жилье дворни и прочие хозяйственные постройки. И сейчас он пожирал это зрелище глазами, пытаясь рассмотреть все в подробностях.

Кузьма не поехал к главному входу, где от высоких изящных ворот к дому вела широкая аллея, обрамленная высокими липами. А повернул направо и поехал вдоль кованой ограды, которая за следующим поворотом уже сменилась обычным забором. Проехав еще немного, они въехали уже в самые обычные деревянные ворота, но все же на железных петлях. Там их встретил неприветливый дворник с большой метлой и сразу начал орать на тупую деревенщину. Но когда узнал, кто приехал, сразу стал совсем другим человеком.

– Так это ты будешь новый казачок Феклы Прововны? Ох, и могутный парень, как звать-то тебя? А-а, Николка, точно-точно, так и говорено было. А как там Пров Кузьмич поживает, здоров ли? – кланяясь, говорил он. Но все же не утерпев, спросил тихо у Кузьмы, когда Николка с бабушкой уже шли к людской:

– Так что, это, действительно, дурачок бывший?

И получив утвердительный ответ, долго качал головой.

– Чего только на белом свете приключиться может, ох и времена настали, юродивые выздоравливают, видать, не перевелись еще чудеса в природе, – сам себе внушал он, усердно маша метлой.

Когда бабка с внуком зашли в людскую, их сразу оглушило многоголосье, человек десять прислуги сидели за столом и поедали наваристые щи, пахнущие мясом. От аппетитного запаха у Николки даже закружилась голова, и он непроизвольно сглотнул слюну. Дожив до семнадцати лет, он ел мясо, наверно, несколько раз в своей жизни, а так как это было до его преобразования, то он вовсе этого не помнил. А в этом году мяса они еще не едали, только изредка у Прова Кузьмича на ужин была мелкая рыбка.

Угрюмая старуха, которая стояла у огромного горшка, без слов поняла, кто зашел в помещение, и кивнула им на лавку. Бабка с Николкой перекрестились на образа в красном углу, разоблачили свое тряпье и уселись рядышком за стол. Та же старуха зачерпнула им густых щей в две глиняные миски и, поскребя по дну горшка, выловила по кусочку мяса, Глафира охнула и, встав, начала благодарить повариху, с которой, видимо, была когда-то знакома.

– Благослови тебя Господь за доброту, Прасковья, уважила старую, мясца подложила.

Прасковья буркнула что-то невнятное, а Николка достал из-за обмотки свою ложку, молча принялся за еду. Куски ржаного хлеба, толсто нарезанные, свободно лежали на блюде, и парень быстро прихватил один из них и в несколько минут прикончил щедро налитую миску.

Катенька лежала на кровати в пеньюаре и панталонах, за окном свистел ветер, падал легкий снежок. Было темновато, серый день в конце октября не давал много света. Но в комнате было уютно, от печки, выложенной зелеными изразцами, было даже жарко. Да и дневного света все же хватало, чтобы читать без свечей. Катенька откинула толстый французский роман и легла на спину, поболтала ногами в воздухе, разглядывая свои панталончики. Как они ей нравились, в первый раз ей мадам Боже позволила такие надеть. Ведь скоро папа даст первый зимний бал, и придет много гостей. Ей надо привыкать носить взрослые вещи.

«Ах, как это волнительно, наконец ее пригласят танцевать! И она не будет подглядывать сверху, с балкона оркестра, как танцуют гости и девушки, которых впервые вывели в свет. Скоро она сама будет такой. И может, ее сразу заметит какой-нибудь красивый офицер. Он, наверно, поцелует ей руку и скажет комплимент». От этих мыслей она покраснела, и по спине побежали мурашки. А она наверняка будет стесняться и сделает что-нибудь не так. Ну, зачем папа выгнал этого учителя танцев Вальтера Милля, он был приятный молодой человек, а какие

он говорил ей комплименты. А то, что он потрогал ее за грудь, он ведь это сделал совсем нечаянно. А это было так приятно, – при этом воспоминании она покраснела еще больше.

«Ах, какой все же папенька нехороший. Когда он увидел, что Милль трогает мою грудь, он почему-то сильно разозлился, а чего тут злиться, ведь Вальтер просто споткнулся. Он совсем не хотел так делать. А папенька напугал его медведем. И чего Вальтер испугался, этот мишка очень добрый и никого еще не съел?» – подумала она.

Катенька повернулась на бок, в это время в дверь постучали, и вошла ее гувернантка мадам Боже.

– О, милая Кати, вы еще не встали, это не есть хорошо, молодая девушка должна следить за собой. – И она разразилась длинной тирадой на французском языке.

«Да пошла ты в ж...» – мысленно сказала Катенька, такое выражение в свое время она слышала от дворовых девок, с которыми вынужденно проводила время.

Катенька была странный ребенок. С раннего детства пребывая среди дворовых детей, она слышала и видела много того, что совершенно ей было не нужно, в том числе совокупление собак и прочих домашних животных. Но интересное дело, она совершенно не понимала, что люди, собственно, занимаются тем же самым. Это, конечно, случилось из-за того, что Катя очень рано потеряла маменьку, которая не успела объяснить дочке все, что должна знать девушка. А папеньке было не до нее. Он был увлечен своей любовницей Феклушей. И девушка, лежа в кровати, мечтала о платонической любви, которая действительно существует, как уверяли ее любимые французские романы. Она даже в мыслях не могла допустить, что возвышенная любовь может быть хоть в чем-то похожа на собачьи или кошачьи игры. Но в один прекрасный день папенька пришел и сказал:

– Ма шер, я тут прикупил новые французские романы, автор благородный человек – маркиз де Сад, продавец мне сказал, что это большая редкость. И попросил приличных денег. Но для тебя мне ничего не жалко, читай, мое солнышко. Эти французские романы как раз для таких девушек, как ты.

Катенька, не думая ничего плохого, взяла самую толстую книгу, немного прочитав, она откинула ее с негодованием в сторону, но потом, обзывая себя плохими словами, все же начала ее просматривать. Она, бледнея и краснея, прочитала все, что создало большое воображение маркиза, и думала: «Только бы папенька не узнал, что за книги он привез».

Мадам Боже между тем стояла, ожидая, когда ее воспитанница начнет одеваться.

– Вы не забыли, милая Кати, что у нас сегодня еще должен быть урок музыки. Вчера приезжал настройщик из города и настроил клавесин. Теперь мы можем разучить с вами несколько пьес.

Катенька сделала радостное лицо и, соскочив с кровати, начала одеваться.

– Погодите, Кати, это же неприлично, у вас же есть прислуга для этого. Знатная дама должна правильно себя вести, – сказала гувернантка и позвонила в колокольчик.

Тут же в комнату влетела молодая девица в сарафанах, довольно милая, но с приличной косинкой в глазу. Фекла бдительно следила, чтобы в прислугу не попали симпатичные девицы, которые могли бы привлечь к себе внимание Вершинина.

Старый кобель, как называла она его про себя, хоть уже почти ничего не мог, но по привычке не пропускал мимо ни одной красивой девицы.

Аленка, так звали девушку, начала помогать одеваться своей барышне. И вскоре Катенька была готова для утреннего чая. Илья Игнатьевич, наслушавшись советов, как-то привез заморского кофию, но кофий отчего-то у них не пошел, и по утрам Катенька вместе с ним откушывала чаю со сливками и свежую булку с маслом. Сегодня Ильи Игнатьевича не было, и к завтраку подошел управляющий Карл Францевич, который считал своим долгом доложить дочке хозяина, что в имении и во врученных его управлению трех селах все в порядке. Катенька поблагодарила его за усердие и, не поняв ничего из того, что тот сказал, отпустила его с миром.

Гувернантка, внимательно следящая за действиями Катеньки, благосклонно кивнула головой, потом, отставив мизинец, осторожно взяла чашку с кофеем, который она обязательно пила по утрам, в отличие от хозяев.

Аленка, стоявшая за Катенькой, долго молчать не могла и начала рассказывать все подряд, что слышала сегодня в людской.

В течение нескольких минут ее речь лилась без остановки. Но вот в один момент Катенька ее прервала:

– Аленка, что ты сказала, у нас будет работать дурак? Настоящий?! Я боюсь! Может, он что-нибудь сделает не так или испортит.

– Нет, барышня, вы недослышали, он был дурачком, а сейчас поумнел, – исправилась Аленка.

Гувернантка, которая не все понимала в быстром Аленкином треске, заинтересовалась.

– О, это получаться был дурачок, а стал умный, ведь так не бывает?

– А вот и бывает, – ответила Аленка. – Фекла Прововна его взяла для поручений, он вместо Лешки будет, тот в казаки пошел, будет при Илье Игнатьевиче в сопровождении.

При упоминании Феклы Катенька поморщилась. Она не любила эту деревенскую девку, которой так увлекся ее отец, что сделал практически домоправительницей. Но ей хорошо запомнилось, как всего три года назад, когда она сказала Фекле что-то грубое, отец молча увел ее в спальню и там самолично несколько раз ударил по попе тонким ремешком. После этого она прекратила нападки на любовницу отца, но этот случай отложился в памяти.

– Я хочу увидеть этого дурака, – заявила она непреклонным тоном.

– Барышня, Катерина Ильинична, так он еще грязный, в дранье таком приехал, пусть отмоется сначала да шмотье свое сменит, – сказала Аленка и мечтательно вздохнула: – А уж пригожий какой, я таких отродясь парней не видывала.

Эта фраза служанки решила всё. Катенька встала и громко раздельно сказала:

– Я хо-чу у-ви-деть ду-ра-ка!

Аленка поклонилась и унеслась из комнаты. Несколько минут спустя в столовую вошла Фекла, она была одета достаточно скромно, но Катенька хорошо знала, сколько стоит такая парижская скромность.

– Катюша, – сказала она, – ну что ты, как маленькая девочка, ты ведь уже взрослая дама и должна думать о своих поступках. Ну подумай сама, в нашу столовую мы приведем этого крестьянина, он в грязной одежде, у него могут быть клопы, вши. Погоди немного, он сегодня сходит в баню, его переоденем, бекешу Лешкину старую дадим, вот тогда и смотри на него, сколько хочешь.

Катя фыркнула и отвернулась к окну. Но вскоре повернулась и сказала:

– Ладно, считай, что ты меня убедила, но чтобы к вечеру я его увидела.

Николка опустошил тарелку и задумчиво поглядел на горшок, в котором еще оставалось немного щей.

Угрюмая старуха неожиданно улыбнулась беззубым ртом и спросила:

– Что, внучек, добавки ждешь?

Николка замялся, не зная, как к этому отнесется повариха.

– Да я бы не против еще щец подьсть, – смущенно пробормотал он.

Старуха взяла его миску и налила гущи с самого дна, где было еще несколько кусочков мяса.

– Смотри-ка, нашей Прасковье молодец по душе пришелся, – раздался удивленный возглас одного из мужиков, и в ту же секунду раздался чмокающий звук удара деревянным черпаком об его лоб.

– Ну что, Потап, ты тоже добавки хочешь? – усмехаясь, спросила повариха.

Потап, почесывая ушибленное место, буркнул:

– Да ну тебя, даже и пошутковать нельзя, сразу дерешься.

Прасковья неожиданно разъярилась.

– Я тебе пошуткую, нашел место, люди здесь едят, молитву возносят Господу, за хлеб насущный, а он тут шутковать вздумал. Смотри, Потапка, еще получишь.

Народ постепенно начал расходиться, и тут появился молодой статный парень, немногим старше Николки.

– Ты что ль будешь Николай Лазарев? – спросил он.

– Ну я, – ответил переевший Николка.

– Тогда давай собирайся, приказано тебя в баню отвести и одежду сменить.

Николка кинул взгляд на бабушку, но та замахала руками.

– Иди, иди, касатик, куда зовут, я уж тут сама разберусь, что к чему.

Николка и его сопровождающий медленно шли к бане, которая дымилась на берегу у речки. Когда они зашли за какой-то амбар, парень неожиданно развернулся и ловко ударил Николку в ухо. Вернее он так думал, что ударит. Сам Николка даже не понял, что произошло, его голова без участия сознания отдернулась в сторону, а он автоматически отошел влево, нападавший вслед за своим кулаком пролетел мимо и упал на мерзлую землю. А Николка стоял и ошалело смотрел на ворочающегося на земле парня.

Из-за бани вышел кряжистый краснорожий мужик в зимнем кафтане, колпаке и обрезанных валенках.

Он гулко хохотал и хлопал себя по коленкам.

– А похвалялся, похвалялся, я, дескать, этого прикурка одной левой уложу. Будет знать, как встревать и места чужие занимать. А дурак-то умнее оказался. Вставай, недотепа, следующий раз думай, что творишь. Вот узнала бы Фекла про твои дела, быть тебе поротым на конюшне.

– Ну а ты крут, крут, наверно, у себя в Чугуеве из драк не вылезал, – обратился он к Николке, до которого только сейчас доходило, что его только что хотели побить.

В это время незадачливый драчун, наконец, поднялся.

Он отряхнулся и, подойдя к Николке, сказал:

– Ты извиняй, просто обидно мне стало, когда сказали, что дурак вместо меня на этом месте будет.

А ты, оказывается, как раз не дурак насчет подраться. Лехой меня зовут, будет знакомы, – и он протянул руку.

Мужик, наблюдавший эту сцену, одобрительно сказал:

– Во-во, давайте миритесь, нечего вам делить, А у тебя, парень, хватки прямо бойца кулачного. Пожалуй, надо тебя в стенку этой зимой взять. С твоим ростом да руками ты у нас забойщиком пойдешь.

Николка на это ничего не ответил, потому что еще не отошел от момента нападения. Все мышцы болели и ныли.

«Наверно, оттого, что очень быстро двигался», – пришла к нему догадка.

Мужик тем временем позвал их в баню. Там он аккуратно свернул тряпье, которое с себя снял Николка, и прибрал в сторону.

– Попрощайся со своим шмотьем, парень. Видел, какую одежду тебе Фекла Прововна приказали выдать, – сказал он, разворачивая довольно приличные штаны, рубаху, теплый кафтан и, главное, сапоги, хоть и ношенные, но с новыми набойками на каблуках, подбитые деревянными гвоздиками. И к ним пара новых портянок.

У Николки сперло дыхание. Сапоги! В Чугуеве сапоги были только у попа Василия и Прова Кузьмича, и то Пров Кузьмич надевал их только в церковь, а перед этим долго мазал свиным салом и чистил щеткой. Неужели это ему?

Мужик, который видел волнение парня, снисходительно сказал:

– Не радуйся, вон у Лехи поспрошай, за эти сапоги бегать, как Савраске, придется. Вот, к примеру, в чем моя работа? Дровец наколоть, баньку протопить, ну мыть я ее не мою, бабы для этого дела есть. Главное, мне барскую баню по субботам надо как следует нажарить. А потом меня не слышать и не видеть. И что я опосля делаю, рыбку ловлю али баклуши бью, никому не интересно. Вошел в понятие? А ты каждый день на виду, посему гонять будут тебя как Сидорову козу. Лехе, пока он не выучил всё, что надо, всю задницу березовой кашей отполировали. И тебя то же самое ждет. Ладно, хватит трепу, давайте залазьте на полоч. Сейчас будет вам Содом и Гоморра, как наш поп в храме говорит.

С этими словами он плеснул ковш кипящей воды на раскаленную каменку. Лешка взвизгнул по-пороссячи и кинулся на пол, где улегся, засунув нос между досок пола. Николка хотел последовать за ним, но неожиданно его перестал обжигать пар, а стало тепло и приятно. Он откинулся на бревенчатую стену с торчащим из пазов мхом и закрыл глаза от удовольствия.

– Ха, – раздался голос банщика, – да ты, однако, еще и пар любишь. Ну давай, давай, посиди, пусть тело подышит, пот пустит. А потом скупнемся и веничек дубовый запарим. Уж ежели залезли в баньку, то надо от нее все блага взять. А не то что некоторые, – добавил уже тише, – в бане только баб раком ставят, а не про мытье думают.

Лежащий на полу Леха захихикал.

– Что ржешь, – возмутился банщик, – я правду говорю, баня не для этих дел предназначена.

Через два часа, уже в вечерних сумерках оба парня возвращались во флигель, где должен был жить Николка, но вдруг навстречу им выскочила растрепанная Аленка.

– Лешка, ты что делаешь, мы с ног сбились вас искать. Барышня Екатерина Ильинична ругается.

Встревоженный Лешка сказал:

– Мы же в бане были, ты что, не знала?

– Так мы же не думали, что вы там столько времени просидите, – запричитала девушка и обратилась к Николке: – Тебя барышня видеть хочет, интересно ей посмотреть, какой из себя бывший дурачок деревенский.

Николка за три месяца уже привык к тому, что все кому не лень поминают его прошлое, но сейчас слово «дурак» из уст симпатичной, хоть и косоглазой девушки неприятно его кольнуло.

Он пошел вслед за торопливо идущей девицей, а Лешка благоразумно ушел во флигель, пока его никто не вспомнил.

Когда они вошли в огромные парадные двери в вестибюль, он остановился в восхищении, даже сейчас, в будний день, когда здесь горели всего несколько свечей, было видно, какой он роскошный. Узорчатый паркетный пол, натертый до блеска, картины на стенах и широкая лестница, ведущая на второй этаж. Налево виднелись полуоткрытые двери в бальный зал, но Николка про такое чудо еще не слышал, поэтому и не посмотрел в ту сторону.

Аленка взяла подсвечник с горящей свечкой и пошла вверх по лестнице, а Николка тенью следовал за ней. На втором этаже они прошли череду комнат, пока не подошли к дверям, обтянутым розовым бархатом. Аленка постучала и после раздраженного «Войдите» робко приоткрыла дверь. И была права, потому что в дверь полетела чашка, ловко пойманная Николкой.

Они прошли в комнату, пахнущую духами и тем неуловимым ароматом, который присутствует там, где обитает юная девушка.

Десяток свечей довольно ярко освещали присутствующих, и Николка увидел двух девушек, одну, почти еще девочку, красивую чернобровую, худенькую и очень легко одетую, как ему показалось, потому что ее маленькая грудь почти вся была видна в глубоком декольте.

Вторая же, высокая и худая, еще более черноволосая и чернобровая, скромно одетая, сидела на венском стуле, как будто проглотила палку, и внимательно смотрела на вошедших.

Глядя на полураздетую барышню, Николка почувствовал почти то же состояние, что и летом, когда подглядывал вместе с сыновьями Прова Кузьмича за купающимися девками. От переживаний он густо покраснел.

Девочка хихикнула и что-то сказала непонятное своей соседке. От того, что он не понимал, что про него говорят, Николка покраснел еще больше.

– Дурак, – сказала девочка, – если ты умеешь говорить, скажи, как ты смог поймать чашку? Это первый раз она не разбилась, еще никто не мог такого сделать.

– Не знаю, – ответил парень, – это как-то само собой получилось.

– Видите, – запрыгала девушка, – мадам Боже, он, оказывается, умеет говорить, и даже чашку мою поймал.

– Кати, так чему вы удивляетесь, вам же уже говорили, что он уже не дурак, – ответила мадам Боже. У нее при взгляде на Николку слегка расширились зрачки, и появилась легкая испарина на порозовевшей коже небольшого декольте.

«Вот чего Фекла привезла его сюда», – только теперь сообразила гувернантка, хотя все остальная прислуга уже давно знала, где зарыта собака, и не на раз обсудила эти новости. – «Юноша-то почти Адонис, а чего только не сделаешь ради такого красавца».

Она перевела взгляд на свою воспитанницу. Та, наконец, тоже заметила, что парень чертовски хорош собой, и теперь пожирала его глазами.

Катенька краем глаза заметила взгляд мадам и вспыхнула ярким румянцем, еще большим, чем у бывшего дурачка.

– Хорошо, я посмотрела на тебя, – хриловатым от волнения голосом сказала она, – можешь теперь уйти, Аленка, покажи ему, где он будет жить.

И после этого демонстративно отвернулась.

Аленка со своим подопечным вышли из комнаты, но не успели пройти и несколько шагов, как из дверей вышла мадам Боже и крикнула:

– Аленка, барышня хочет, чтобы ты сразу же вернулась, чтобы расчесать ей волосы перед сном.

Та недоумевающе кивнула и пошла дальше. А мадам Боже стояла у дверей и смотрела им вслед с легкой усмешкой на губах.

Она сейчас прикидывала, что натворила глупая Фекла, привезя сюда этого тупого красивого крестьянина, и видела впереди череду скандалов и ссор, которые, скорее всего, закончатся изгнанием любовницы Ильи Игнатьевича из его спальни, а для Николки все это должно было закончиться гораздо хуже.

Катенька не понимала себя, никогда в своей короткой жизни она не считала, что люди, окружавшие ее в имении, могут быть ей равней. В играх с детьми она всегда верховодила и считала, что это происходит просто потому, что она отличается от них своим происхождением. Если бы она слышала, что говорили про нее эти дети вечером, получали лупцовку от родителей за то, что грубили барской дочке, то ее мнение о себе резко бы упало. Но, увы, этих слов она не слышала и продолжала считать крепостных чем-то вроде разумных животных.

А сейчас, после того как она увидела этого парня, с ней что-то произошло. Она не понимала, что это за чувство, но ей ужасно захотелось, чтобы этот парень был только ее и больше ничей. И когда она отправила Аленку проводить его во флигель, то тут же пожалела об этом.

«Может, она с ним будут целоваться, – с замиранием сердца думала она, – вон как эта девка на него своими косыми глазами смотрела, как кошка на мышку».

– Мадам Боже, немедленно скажите Аленке, чтобы она вернулась сразу, чтобы расчесать мне волосы, – закричала она.

Гувернантка вмиг поняла всё, что было написано на лице ее воспитанницы. Она немедленно встала и вышла в коридор.

Катенька осталась одна и начала себя ругать:

«Боже мой, какая я, оказывается, самка, мне понравился крестьянин, мужик! Но почему? Я же совсем не хочу этого, как стыдно! Ах, почему он не благородный человек. Ведь он такой красивый, высокий, мужественный, может, он вообще не из этого сословия и попал в деревню случайно?»

Пока мадам Боже представляла в своем вредном умишке картины скидывания с пьедестала любовницы хозяина, ее воспитанница уже напридумывала себе сказок о благородном происхождении Николки.

Поэтому, когда гувернантка вернулась в комнату, то по виду Катеньки моментально догадалась, что та задумала какую-то большую пакость.

Аленка между тем довела Николку до его флигеля, где его встретил зевающий Лешка и указал ему место для сна. В этом флигеле жили, кроме них, еще несколько человек, казаки, которые охраняли имение и хозяина, когда тот выезжал на охоту или еще куда. Сегодня здесь было пусто, и парни, поговорив немного в темноте, улеглись спать. Николка беспокоился о своей бабке, но Лешка успокоил его, сказав, что ей дали угол при кухне, и что она будет там в помощницах.

Илья Игнатьевич во весь опор мчался на коне, за ним мчалась его охрана в количестве десяти человек.

Остальной обоз, с которым он уезжал в небольшой уездный городок, теперь плелся неспешно, вслед за ними.

Он ехал с одной мыслью: только бы успеть, только успеть. Может, его Катенька, обожаемая дочурка, единственная память о Натали, на которую она так похожа, не успела прочитать ту гадость, мерзость, которую он дал ей собственными руками.

Он даже застонал от злости на себя и еще раз обозвал всеми словами, которые у него остались в голове со времен гусарской юности.

Как обычно, он в городе остановился у своего приятеля князя Андрея Шеховского, с которым они вместе воевали француза. Князь был гораздо старше своего друга и уже практически не выезжал, поэтому очень обрадовался его приезду.

Вчера вечером они сидели и как обычно решили перекинуться в картишки. Они любили шtos, особенно после того, как ознакомились с произведением поручика Лермонтова.

Вот и сейчас они попивали глинтвейн, перекидывались картами, делая маленькие ставки, и беседовали ни о чем. И тут князь заинтересовался, как дела у его любимицы маленькой Катеньки.

– Она далеко уж не маленькая, – с гордостью сказал Вершинин, – готовится к первому балу. Слава богу, мне вывозить ее никуда не надо, и так все соберутся у меня.

Мне, как отцу, сложно говорить, но кажется, что девочка очень симпатичная и умница. По-французски шпарит лучше меня. Я ей французские романы у нашего книготорговца покупаю регулярно. Вот неделю назад купил произведения маркиза де Сада.

Карты выпали из рук князя, и он остекленевшим взглядом посмотрел на своего визави.

– Что, я что-то не то сделал? – встревоженно спросил Илья Игнатьевич.

– Кха-кха, – откашлялся князь, – Илья, а ты сам-то читал эти романчики?

– Да что их читать, дребедень женская, любовь-морковь, – махнул рукой Вершинин.

Князь кряхтя встал и подошел к длинным рядам книжных полок. И метко вытащил толстый том.

– На-ка, милый друг, почитай вот здесь, а потом вот здесь, – показал он другу отчеркнутые места, напротив которых на широких полях были видны его заметки, написанные тонким кружевным почерком.

Илья Игнатьевич жалобно посмотрел на князя.

– Андрей Григорьевич, ты же знаешь, я не очень с французским в ладу, прочитай сам, пожалуйста, что показывал.

Когда Илья Игнатьевич услышал то, что читал ровным невыразительным голосом его друг, у него на голове поднялись остатки волос.

– Стой, стой, Андрей, я больше не могу этого слушать. Мне надо срочно ехать в имение, бедная Катенька, я собственными руками вручил ей эту мерзость. Но сначала я убью этого мерзавца, этого Миронова, который, не стыдясь, продал мне это!

Князь тронул друга за плечо:

– Илья, послушай дружеский совет. Во-первых, никуда не ездь в ночь, не ищи приключений там, где можно без них обойтись. Во-вторых, если твоя дочка хорошо воспитана, то, даже прочитав эти, с позволения сказать, сочинения, она хуже не станет.

В-третьих, ты говорил Аркадию Дмитриевичу, что покупаешь романы для дочери?

– Нет, – ответил растерянно Вершинин.

– Ну, тогда почему ты хочешь его убить, он-то, наверно, считает, что сделал тебе большое одолжение, ведь на самом деле это большая редкость. Так что езжай завтра, и если Катенька еще не прочитала эти книги, то заberi их у нее. И не допытывайся, читала она их или нет, не принуждай ее лгать.

Обычно Катенька вставала в одиннадцать часов, потом завтракала, и потом уже начиналось музицирование, прогулки с мадам Боже, потом обед с папенькой и Феклой, а потом она делала что ей вздумается. Читала, примеряла наряды. И все прочее.

Но сегодня она проснулась раньше, чем обычно. Когда она зазвонила в колокольчик, полуодетая Аленка примчалась с выражением ужаса на лице.

– Барышня Екатерина Ильинична, что стряслось, может, вы занедужили, за дохтуром звать надо?

– Ах, Аленка, ну что несешь, какой доктор. Просто я решила, что мне надо сегодня встать раньше. У меня есть неотложное дело.

Аленка заткнулась на полуслове, и по выражению ее лица можно было понять, что за доктором пошлют немедленно.

– Что за дело у вас такое важное, Катерина Ильинична, можно спросить?

Катенька села в кровати, пеньюар у нее упал, обнажив худенькие белые плечики и грудь.

«Как цыпленочек, – жалостливо подумала Аленка, пышущая здоровьем, – а ведь ест, как отец, и куда у нее все уходит».

– Аленка, – сказала решительно барышня, – вчера ко мне приводили дурака, я подумала и решила провести опыт. Как-то случайно прочитала в одном журнале, что дураки не могут учиться. Поэтому хочу попробовать научить этого, как его звать?

– Николка, – подсказала Аленка.

– Да, да – Николку, хочу научить читать и писать.

Аленка про себя засмеялась.

– Барышня, так он умеет читать и писать, говорили, что он даже церковные книги читает и на клиросе поет.

Лицо Катеньки на миг приобрело смущенный вид, но вскоре разгладилось.

– Ничего, тогда я буду учить его французскому языку.

– Так все же зачем вы, барышня, встали так рано. Можно было бы и позже встать?

– Ты не понимаешь, глупая девка, – разозлилась Катенька, – мне же надо подготовиться к занятию. Немедленно помоги сделать причёску и достань шкатулку с драгоценностями. И румяна свежие достань. Я с утра обычно немного бледна.

Ничего не поделаешь, и Аленка приступила к делу, хотя ей очень хотелось спать. В отличие от своей госпожи, она до двух ночи занималась тем, чем должна заниматься молодая женщина. Причем ее друга проблема косоглазия совсем не волновала.

Николка первую ночь на новом месте спал плохо. Вначале не мог заснуть из-за множества мыслей, с тех пор как он получил возможность связно мыслить, он все пытался понять, что же собственно с ним случилось. Ту жизнь придурковатого подростка он помнил не очень хорошо, она представляла в его памяти чередой цветных застывших картинок, которые было сложно разобрать. Но по мере того как он осваивался в новой жизни, вопросов у него возникало все больше. Вот сейчас, лежа на топчане и слушая Лешкино сопение, он думал, что и как будет делать дальше. Единственное, что для него было уже решено, крепостным он не останется, и воспользуется любым шансом, чтобы изменить свою жизнь. Но все же его одолел сон. Спал он все равно плохо, крутился и чесался, потому что клопы, кишевшие во флигеле, с яростью набросились на свеженькую жертву.

Рано утром он проснулся по привычке, выработанной за последние три месяца работы батраком. Лешка еще храпел вовсю и даже не думал просыпаться. Николка встал и сбегал на улицу, где, спрятавшись за дерево, опустошил мочевого пузыря, потому как, где находится нужник, показать ему никто не удосужился.

Когда он подошел к дверям, около них уже вертелась Аленка с озабоченным выражением на лице.

– Ну что, проснулся, засоня, – приветствовала она его, – ох, и хлопот с тобой, Николка, и кой черт тебя сюда принес, мне одни заботы достаются. Радуйся, нашей барышне очередная моча в голову стукнула, будет тебя сёдни хранцузскому языку учить. Проверить хочет тебя на дурость.

– Это как и почему? – только и смог спросить озадаченный Николка.

– А потому, – засмеялась девушка, – что кто-то красен, как принц из сказки, а того не знает.

– Втюрилась барышня в тебя, дурака, вот и мается дурью теперь сама, – продолжала она смеяться. – Смотри, когда тебя приведу, молчи и говори только то, что спрашивают. Илья Игнатьевич добр, конечно, но за свою Катеньку шкуру быстро спустит.

– Так что, – растерялся парень, – уже идти надо? Только утро наступило, неужто барышня в такую рань раннюю встает, и с чего это она в меня втюрилась, кто я и кто она?

– Так девичье сердце не спрашивает, – нараспев сказала Аленка, – раз, и готово, втюрилась, хоть в золотаря, если сердцу мил.

На Аленкиных глазах появились слезинки, она их смахнула и сказала:

– Хватит болтать, иди, перекуси чего у Прасковьи, да помойся хорошенько, чтобы мужицким духом от тебя не перло. Чай, не в хлев пойдешь. А я за тобой опосля зайду, когда барышня прикажет.

Аленка резко повернулась, поцеловала его в губы и унеслась. Николка ошарашенно смотрел ей вслед.

«Что же делать, что теперь будет? – думал он. – Прибьет меня барин до смерти, впору пойти самому удувиться. Совсем бабы с ума съехали!»

К Искину AP-345 от модуля ХХ02:

Сообщаю: произошла спонтанная ошибка в перестройке эндокринной системы реципиента, в связи с чем начался неконтролируемый выброс феромонов, принимаются экстренные меры для ликвидации его последствий.

В остальном перестройка защитных систем организма аборигена происходит без сбоев.

Николка побрел на общую кухню, в которой вовсю готовилась еда на немалое количество дворни. Господская кухня находилась в барском особняке, и там распоряжался повар, привезенный Вершининым из самой Москвы. Когда Николка зашел в жаркое помещение, первым, кто его там встретила, была бабушка.

– А вот и внучек мой пришел ненаглядный. Садись, садись, сейчас я тебе молочка налью, вот тебе хлебца немного, – с этими словами она налила ему огромную кружку молока и сунула полкаравая душистого, только что вынутого из печного нутра хлеба.

Потом она уселась напротив за стол и, подперев голову под подбородком обеими руками, начала разглядывать внука.

– И что же ты незадачливый такой, – тихо начала она говорить, – мало тебе Феклы, так теперь на тебя и барышня глаз положила. Ох, Николка, даже не знаю, что тебе и присоветовать, придется тебе, наверно, вновь в дурака вертаться. А иначе эти две кобылы до цугундера тебя доведут.

Николка заинтересованно поднял голову.

– А что такое цугундер, бабушка?

– Ай, не знаю я, отставной солдат Яшка Бровкин всегда так ругался, когда выпьет. Но думаю, что плохое место, – сообщила бабушка.

После завтрака Николка приободрился и стал смотреть на происходящее веселее.

«Может, бог даст, все обойдется», – думал он.

И тут появилась вновь Аленка и молча поманила его за собой. Снова они прошли к особняку, и вновь он, раскрыв рот, оглядывал при дневном свете все это великолепие. На этот раз его путь лежал в комнату, которая служила местом для занятий Катеньки.

Сама Катенька уже была там, она сидела на месте учителя и нервно мяла в руках батистовый платочек. Она была одета в самое свое роскошное платье, тонкая нитка жемчуга была на ее шейке, а в ушах были золотые сережки, прикрытые локонами волос. Немного в стороне сидела мадам Боже, которая до последнего сопротивлялась напору воспитанницы, но была вынуждена уступить. Единственное, что она выторговала, так это то, что она должна обязательно присутствовать при этом так называемом «обучении».

– Ну, наконец-то вы появились, – возмущенно заговорила Катенька. – Аленка, сколько можно ходить, тебя не дожدهшься.

Аленка благоразумно молчала, опустив голову.

– Иди, – вновь обратилась Катенька к ней, – ты мне пока не нужна.

Она повернулась к парню, который был еще в ступоре от ее наряда.

– Тебя Николка ведь зовут, мне сказали, что ты научился сам читать и писать. Это правда?

– Нет, Екатерина Ильинична, меня научил отец Василий.

– Ну все равно ты научился очень быстро, – сказала Катенька, – я решила, что буду учить тебя французскому языку. Может быть, ты этого не хочешь? – неожиданно спросила она, и на ее груди появились красные пятна от волнения.

– Как пожелает ваша милость, – благоразумно ответил Николка.

– Вот и хорошо! – воскликнула Катенька и приступила к учебе.

Мадам Боже молча смотрела на это представление. Она не сомневалась, что при всей настойчивости Катенька закончит обучение тупого русского крестьянина уже на втором, а, может, и на этом занятии.

Через двадцать минут она уже широко открыла глаза и не дыша глядела на разворачивающееся перед ней действо.

Николка выучил французский алфавит сразу, после единственного просмотра, и сейчас бойко повторял за Катенькой французские слова, ухитряясь правильно произносить их уже со второго или третьего раза.

Наконец, мадам Боже не выдержала и сама приняла участие в этом процессе.

«Господи, – думала она, – это же уникам, у него феноменальная память, откуда он только взялся?»

Урок длился уже почти два часа, когда двери кабинета открылись, и туда ворвался мокрый и грязный Илья Игнатьевич и с удивлением уставился на представшую перед ним картину.

К сожалению, Илья Ефимович Репин еще не родился в своем украинском Чугуеве, и поэтому не мог написать маслом эту сцену, которая была достойна его кисти и могла иметь такое же название, как его настоящее творение «Не ждали».

Наступившее неловкое молчание, наконец, нарушила Катенька.

– Ах, папенька, – защебетала она, – а я тебя так быстро не ждала, что-то случилось, ты выглядишь таким уставшим?

После этого она подошла к нему и, стараясь не испачкаться, поцеловала его в щеку. При этом, сморщив носик, потому что от папеньки несло лошадиным потом, как от конюха.

Вершинин после этого немного обмяк и ласково спросил:

– Доченька, может, объяснишь, что тут происходит, откуда взялся этот хлопец и что он тут делает?

Катенька слегка покраснела, но бойко затараторила:

– Представляешь, папенька, это бывший деревенский дурачок Николка из Чугуево. Его вчера привезли оттуда, чтобы он казачком был вместо Лешки. А я решила научить его французскому языку.

Глаза Ильи Игнатьевича чуть не вылезли из орбит от услышанного. Он молча несколько секунд разевал рот, потом повалился на стул и засмеялся. Он заливался до слез, хохотал, после нескольких часов скачки на коне и всяких тревожных мыслей, копошащихся в его голове, он почувствовал такое облегчение, когда увидел, что его дочка, вместо того чтобы конспектировать произведения маркиза де Сада, возится с деревенским дурачком.

– О-хо-хо, – начал он успокаиваться, – Катенька, ну и как ваши с мадам Боже успехи, удалось вам научить его чему-то?

Катенька гордо посмотрела на него.

– Николка, быстро расскажи французский алфавит.

Наш герой, который при появлении Ильи Игнатьевича вскочил со стула и низко поклонился, вопросительно посмотрел на того.

– Давай, давай, говори, – приободрил его Вершинин, в полной уверенности, что парень сообразит через две-три буквы.

Но по мере того как тот называл букву за буквой, с абсолютным эльзасским произношением мадам Боже, у него брови поднимались все выше и выше.

– Это что же, – он обратился к мадам Боже, – дурачок выучил алфавит сегодня?

– Если бы только алфавит, он выучил еще почти сто слов и может отвечать на простые вопросы, – ответила мадам.

Илья Игнатьевич резко посерьезнел.

– Так, так, давай-ка, Катенька, расскажи мне все с самого начала, кто, чего и откуда.

Он внимательно выслушал всю нехитрую историю и потом, как бы между делом, спросил:

– Катенька, скажи, дружок, ты прочитала последние романы, которые я тебе привозил? – и с видимым безразличием ожидал ответа.

Ни один мускул не дрогнул на безмятежном личике барышни.

– Ах, папенька, ты прости, но мне было не до них в эту неделю. Две книжки так и лежат на подоконнике. А что ты спросил? Я должна была их прочесть?

– Нет, нет, – засуетился Вершинин, – я просто привез тебе еще романы, а те захотел прочесть сам, может, ты мне их принесешь?

– Папенька, – в полном недоумении посмотрела на него девушка. – Ты! Хочешь почитать романы?!!

– Ну вот нашла на меня такая блажь, – принужденно улыбнулся Илья Игнатьевич. Только отнеси книжки сразу в мой кабинет и положи на письменный стол. А я пока побеседую с этим пареньком. Вы, мадам Боже, тоже можете идти. Думаю, что на сегодня ваша учеба закончена. Но не исключено, что у вас появится еще один ученик, – добавил он задумчиво.

Илья Игнатьевич с молодых лет обладал очень ценным качеством, которое помогало ему во время службы и потом, когда он вышел в отставку и начал восстанавливать свое имение, почти разоренное его отцом. Он умел находить нужных людей и быстро понимал, чего они стоят. Так, например, его управляющий Карл Францевич, пятнадцать лет назад нищий немецкий эмигрант, приехавший в богатую Россию на заработки, был замечен им и взят на службу, что принесло большую пользу обоим. Мадам Боже тоже относилась к числу таких находок.

Даже свою любовь к девицам он использовал себе на пользу. Та же Фекла, которая думала, что удерживает внимание хозяина своими женскими штучками, не догадывалась, что Вершинин разглядел в ней не только красивую женщину, но и великолепную хозяйку, на которую можно было полностью положиться. Поэтому он не отпускал ее от себя и якобы не замечал ее наивных попыток не допустить в имение молоденьких крестьянских девиц. Тем более что они ему в последнее время не очень и требовались.

Вот и сейчас он своим шестым чувством понял, что ему крупно повезло.

В это время без стука отворилась дверь и в комнату быстрым шагом вошла встревоженная Фекла. Николка, стоявший напротив, только безмолвно ахнул про себя. Все-таки до чего была красива дочь Прова Кузьмича. А сейчас, встревоженная неожиданным появлением своего хозяина, она своим видом сразила бы любого мужчину.

«Бедная Катенька, – почему-то пожалел Николка дочку барина, – она просто серая мышка по сравнению с Феклой». – И он вновь покраснел, глядя на ее упругую белую грудь, виднеющуюся в разрезе платья.

– Илья Игнатьевич, что стряслось, чего ты как заполошный примчался? – начала Фекла допрашивать Вершинина.

Тот масляными глазами оглядел свою любовницу и понимающе посмотрел на краснеющего Николку.

– Да ничего не приключилось, мон шер, – сказал он, – не волнуйся. Я смотрю, не успела ты нового казачка завести, а его уже Катенька прибрала.

– Так вот, – развела руками Фекла, – не знаю, чего ей втемяшилось в голову, с раннего утра не спит. Шум на весь дом устроила.

Фекла смотрела на парня, из-за которого поссорилась с отцом, и не понимала, почему ей тоже, как и Катеньке сегодня, позавчера так было необходимо забрать этого красивого парня в имение. Сейчас она разглядывала его совершенно спокойно, и он абсолютно ее не волновал.

«Как наваждение какое было, как будто околдовали меня», – пришла странная мысль.

– Ну что же, правильно сделала, что привезла этого Николку, – тем временем сказал Вершинин, – интересный мальчишка. Я ведь его помню, в прошлом году, на охоте, его в загонщики взяли, так пришлось домой погнать, ничего не понимал, только сопли по лицу мазал. А сейчас смотри-ка, поумнел неожиданно-негаданно. Я про такие случаи что-то не слышал. Так, Феклуша, ты распорядись насчет баньки мне, а я пока кое-чем займусь, переоденусь. А Николку этого никуда не отсылай, ближе к вечеру хочу я с ним поговорить. И не забудь, сама тоже в баньку приди. Что-то я по тебе заскучал.

Когда Николку позвали к барину, уже наступил вечер. Видимо, долго Вершинин мылся в баньке. Несколько часов Николка просидел на кухне, наблюдая, как толстый повар, которого

все звали дядя Петя, командует своими помощниками в количестве четырех человек. Все происходящее вокруг было интересно, а его багаж знаний быстро пополнялся новыми словами: бланманже, фрикасе и прочими кулинарными изысками. Надо сказать, что он сам был озадачен своими сегодняшними успехами. Когда пару месяцев назад он начал учиться грамоте у отца Василия, она давалась значительно тяжелее. А сегодня казалось, что буквы и слова сами укладываются в память и вспыхивают там, как огоньки, когда нужно. И он сейчас мысленно как бы пробовал эти слова на языке, перекачивал и с каждой минутой все лучше понимал их смысл.

В обед его накормили прямо на кухне, повар, зная, что он ожидает вызова от барина, не посмел погнать его в людскую, и наложил целую тарелку жареного мяса с каким-то острым соусом.

«Однако, – с неожиданным для самого себя юмором подумал Николка, – чувствую, что от голода я здесь не умру».

– Эй, парень, – крикнул ему повар из-за плиты, – кофий будешь пить, али тебе взвару дать?

Разумно решив, что взвар он пил бесчисленно, Николка попросил кофия и долго потом плевался, попробовав черную горькую жидкость.

За окном темнело, когда, наконец, Николку позвали к Вершинину.

Тот, распаренный, красный, сидел за столом в халате и шлепанцах, на голове у него была сеточка для волос, а сверху еще ночной колпак. Он, фыркая, шумно пил чай из блюдечка, брал из стоявшей на столе миски кусочки нераспечатанных пчелиных сот и медленно жевал их. Большой самовар тихо шумел на столе. Фекла сидела рядом с ним, с мокрыми волосами, завязанными в тяжелый узел, каплями пота на лице и тоже в халате. Вершинин левой рукой гладил ее по ноге, открыв ее почти полностью. Когда Николка вошел, она дернулась было прикрыться, но рука помещика осталась на месте, мешая это сделать. Фекла замерла, покрывшись легкой краской смущения.

Николка стоял у двери, а Илья Игнатьевич с интересом его разглядывал.

– Фекла, а ты заметила, что парень-то красавец, кровь с молоком, я сразу и не приметил, не до этого было. То-то дочка его учить вздумала, – усмехнулся он.

– Ну что, Николай Егорович Лазарев, хочешь, чтобы тебя так в деревне называли? – обратился к нему Вершинин.

Николка благоразумно молчал, чтобы случайно не сказать чего лишнего, но взгляд его был прикован к молочно-белой ножке Феклы.

– Да вижу, вижу, чего хочешь, – усмехаясь, сказал помещик, – только это не про тебя. Что-нибудь другое говори, вот скажи, чего бы ты хотел в жизни своей добиться?

– Не знаю, Илья Игнатьевич, – осторожно отвечал Николка, – вот, может, новый дом срубить, для себя и бабушки, да лошадь прикупить.

– Да уж даже для деревенщины, который за час французский алфавит выучил, скромные желания у тебя, – заметил Вершинин и спросил: – А как у тебя со счетом?

– Умею четыре действия делать и таблицу умножения на днях выучил, – ответил Николка.

Вершинин издал удивленный возглас и удовлетворенно улыбнулся.

– Послушай, Николка, ты ведь поумнел совсем недавно, сам-то как думаешь, что с тобой случилось? – заинтересованно спросил он.

– Не знаю, ваша милость, уже говорил не один раз, что все само собой произошло, просто проснулся одним днем, и все ясно и понятно стало.

– Ну что же, одним так одним, – согласился Вершинин, – интересно мне, что из тебя получится может, так что с завтрашнего дня начнешь учиться, посмотрим, может, помощник Карлу Францевичу будет. Ну а не получится, поедешь вновь в Чугуево, коров пасти. И смотри, без шалостей, а то быстро розги на конюшне отведаешь.

На этом разговор закончился, и Николка был отпущен к себе.

Во флигеле сегодня было шумно. Горело несколько свечей, за столом сидели здоровые плотные мужики – охрана Вершинина.

Увидев его, они завопили:

– Ого, вот это дурачок, да тебя, хлопец, впору к нам в охрану брать. Такие люди нам нужны.

Николка стоял, не зная, что сказать. Но тут старший, черноволосый, мужик, похожий на цыгана, с хищным лицом, в котором было что-то ястребиное, похлопал по лавке.

– Садись, паренек, вот тут общество интересуется, как это у тебя получилось поумнеть. Может, расскажешь чего. А-то мы тута в догадках все извелись.

Юноша послушно сел на лавку, и все взгляды устремились к нему.

– Да не знаю я, – сказал он, – уже сколько меня спрашивали, за три месяца надоело отвечать. Всем одно и то же говорю: в одно утро проснулся, и всё ясно и понятно, а прошлая жизнь, как картинки, мелькает, да и не помню больше ничего.

– Слушай, сёдни Аленка заполошная бегала, кричала, что барышня решила тебя хан-цузскому языку учить, а ты его вмиг превзошел, точно ли это, не врет девка?

– Да ничего я не превзошел, – покраснев, сказал Николка, – ну выучил буквы, да несколько слов, вот и всё.

– Ой, паря, что-то ты темнишь, кривды какие-то сочиняешь. Скажешь, что и к барину тебя нынче не звали? – сказал один из мужиков. – А говорят, что ты ему уже книгу на фран-цузском языке всю как есть прочитал. А он сегодня от любопытства даже в бане не задержался.

Тут все сдержанно засмеялись, с явным оттенком зависти. Конечно, любой из них тоже с удовольствием задержался бы в бане с красавицей Феклой. Когда же народ услышал, что барин освободил Николку от обязанностей посыльного, и это дело остается за Лешкой, за столом наступило озадаченное молчание.

– Чем же ты барина взял, а, Николка? – раздался вопрос одного из сидевших там.

– Не знаю, – ответил парень. – Илья Игнатьевич сказали, что я должен буду учиться всему, что он скажет, а потом он уже решит, куда меня поставить.

– Да-а, паря, – задумчиво протянул мужик, первым пригласивший его за стол, – интересные дела у нас творятся, ты случаем глаза отводить не можешь? Может, ты барину голову задурил?

– А ты у него сам спроси, – ответил Николка, которому надоели подколки охраны.

– Робя, вы гляньте, – возмутился старший, – у самого на губах молоко не обсохло, а уже грубит, нарывается.

И хотел дать подзатыльник несостоявшемуся казачку.

Каким-то десятым чувством Николка отклонился в сторону и, неожиданно для самого себя, схватил пролетевшую рядом с левым ухом руку и припечатал нападавшего лицом в стол.

Тот попытался дернуться, но Николка держал крепко, и он застучал свободной рукой по столу и что-то невнятно бубнил в столешницу. Окружающие, вначале оторопев, молча смотрели на случившееся, потом за столом начали раздаваться смешки, перешедшие в хохот.

– Эй, Ефим, – кричали мужики, – как это тебя дитенок вчерашний побил.

Николка отпустил припертого к столу старшего, и тот сел, нянча свою руку, на которой были видны следы пальцев Николки.

– Ну ты и здоров, – выдохнул Ефим, – я уж думал, мне сейчас руку сломаешь, ты, парень, силы, что ли, своей не знаешь, поосторожней надо. Из-за подзатыльника так разбушевался.

Но Николка, несмотря на то что Ефим делал вид, что ничего особенного не случилось, ясно понимал, что приобрел в имении первого врага.

После этого события разговор сам собой потихоньку прекратился. Ефим сидел злой и только зыркал на всех исподлобья. Поэтому все были напряжены и быстро улеглись спать.

А утром Николка уже забыл о вчерашней неприятности. Ведь его сегодня ждала настоящая учеба. Впервые он понял ее притягательность, еще когда постигал таинство чтения с отцом Василием, когда непонятные и странные закорючки и палочки вдруг начали складываться в слова и предложения. Это было так увлекательно, что Николка сидел бы день и ночь за книгами, но надо было работать. И вот сейчас по капризу барина он сможет учиться! Когда он шел в барский особняк, его переполняло удивительное чувство восторга и страха, и он не понимал, чего испытывал больше.

Дворник, сидевший у парадных дверей, видимо, был предупрежден о его приходе, потому что без звука пропустил его вовнутрь.

Когда Николка зашел в учебную комнату, мадам Боже была уже там. Она внимательно его оглядела и сразу начала говорить с ним по-французски, стараясь не выходить за те слова, что они выучили вчера.

Как она и подозревала, ее новый ученик за ночь не забыл абсолютно ничего. И она с неожиданным для себя энтузиазмом, впрочем, достаточно подкрепленным материально Вершининым, начала обучение. Через двадцать минут уже было забыто, что Николка простой крестьянин, он абсолютно точно перенимал все ее жесты и произношение, и почти ничто не говорило о нем как о неграмотном, невежественном человеке. Вот разве что только знаний у него почти никаких не было.

Через полтора часа вспотевшая преподавательница спросила:

– Молодой человек, а как у вас дела обстоят с письмом?

Николка опустил голову.

– Вы знаете, мадам Боже, у меня никак не получалось писать буквы, я уж как только ни старался, не получается и всё. Отец Василий махнул рукой на меня, сказал, что руки-крюки.

Мадам Боже задумалась.

– Ты знаешь, Николя, я все же думаю, что это дело поправимо. Просто твои пальцы не привыкли к таким тонким движениям. Но думаю, что если ты будешь усерден и каждый день начнешь заниматься чистописанием, то всё получится. Я дам тебе образцы прописей, и каждый день два часа ты должен будешь их копировать. Договорились?

Ученик радостно закивал головой.

– А сейчас, – продолжила мадам Боже, – мы сделаем перерыв, после которого у нас будет математика. Не знаю почему, но Илья Игнатьевич вчера распорядился, чтобы математику ты учил вместе с Катенькой.

Надо сказать, Илья Игнатьевич не был сторонником женской эмансипации, он про это ничего не знал, как и того, что женщины могут стать математиками. И, конечно, ему в голову не приходило, что его любимая дочка должна будет сидеть целыми днями со счетами. Но вот деньги... деньги, как говорится, счет любят, и Илья Игнатьевич хотел, чтобы Катенька не только знала цену деньгам, но и умела их считать.

А вот Катенька почему-то совсем не хотела этого, и только хлопала широко раскрытыми глазами на попытки мадам Боже что-то ей втолковать.

А сейчас Илья Игнатьевич не без основания рассчитывал, что Катенька не захочет показаться глупой в глазах деревенского юноши, которого она сама решила чему-то учить.

Как раз сейчас за утренним чаем и проходил его разговор с дочерью. Катенька сегодня была совершенно другой, чем вчера, и со смущением вспоминала вчерашние события.

Ей все время казалось, что это была не она.

– Доброе утро, папенька, – вежливо произнесла она, приседая в книксене, и потом подошла и чмокнула отца в щеку, повыше бороды.

– И тебе доброе утро, как спалось, моя хорошая? Я смотрю, ты сегодня не рвешься учить своего дурачка? И встала как обычно, – с легким оттенком ехидства спросил Вершинин.

Катя заалела.

– Папенька, ну перестань, пожалуйста, а то буду плакать, я уже поняла, что сделала глупость, и больше так не буду, сама не понимаю, зачем это делала.

Вершинин улыбнулся:

– А мне вот кажется, что я понимаю, хотя, возможно, и нет. Ладно, хорошо, что ты это поняла сама, и мне не надо ничего тебе говорить. Однако, благодаря твоей оплошности, у нас может появиться очень образованный работник. Я впервые вижу такой талант, никогда бы не подумал, что среди этих лапотников может появиться такое чудо.

Катенька напряглась и серьезно спросила:

– Папенька, а может Николка быть не крестьянином, а найденышем, например, каким? Может быть, он отпрыск благородного семейства?

Папенька в ответ хохотнул, покачал головой, а потом задумался.

– Ты знаешь, моя дорогая, а вот это надо проверить. Хотя вряд ли это возможно. Кто до этого Чугуево по доброй воле доберется.

На этом разговор временно закончился, пока они чинно пили чай. Двое слуг стояли сзади их кресел, готовые в любой момент прийти на помощь.

Наконец, Вершинин отставил кружку и глубоко вздохнул.

– Катенька, послушай, я решил немного изменить твои занятия по математике, с этого дня на них будет присутствовать Николка.

Несколько секунд в столовой стояло напряженное молчание, а потом раздался возмущенный голос Кати:

– Но, папенька, как же так, ты хочешь, чтобы я сидела рядом с этим дураком, как такое только пришло тебе в голову?!

Илья Игнатьевич изволил улыбнуться.

– Дочка, по-моему, вчера тебя это несколько не волновало. Почему же ты так сегодня переживаешь?

Катенька смутилась.

– Ну, вчера это было вчера, а сегодня я уже не хочу. И вообще, зачем это нужно, он наверняка ничего не знает, и мне будет неинтересно, и еще от него плохо пахнет, а если об этом узнают подружки, они меня засмеют.

Но тут в голосе Вершинина зазвучал металл:

– Катенька, я сказал, что ты будешь заниматься вместе с Николкой, и обсуждению это не подлежит.

Когда у папеньки голос начинал так звучать, Катя послушно замолкала, потому что знала, что это грозит карами, раньше в виде ремешка, а сейчас в виде отлучения от покупки новых нарядов и прочего.

Она вздохнула и послушно отправилась на так нелюбимую ей математику.

По пути она размышляла: «И чего папенька так озабочен, чтобы я могла умножать какие-то цифры или складывала дроби. Как хорошо живут мои подружки Тоня и Наташа Старославцевы, про математику ничего не знают и не собираются знать».

Когда она вошла в учебную комнату, там был полный переполох, за столом сидели мадам Боже и Карл Францевич. Перед ними стоял раскрасневшийся Николка и отвечал на вопросы.

Увидев Катеньку, гувернантка и управляющий поднялись со своих мест и поклонились.

Она приветливо с ними поздоровалась, а на низкий поклон Николки только презрительно фыркнула и уселась как можно дальше от него. Мадам Боже сказала Николке сесть и обратилась к своей воспитаннице:

– Екатерина Ильинична, позавчера мы начали изучать сложение и вычитание дробей. Пожалуйста, будьте любезны, продемонстрируйте ваши знания.

И с этими словами написала на небольшой грифельной доске пару примеров.

Катенька возмущенно сказала:

– Вот еще, буду я тут вам примеры решать, пусть вон эта деревенщина решает.

– Хорошо, – тут же согласилась мадам Боже. – Николя, подойдите сюда и решите эти примеры.

Николка встал, подошел к доске и медленно вывел правильные ответы, а потом рассказал ход решения.

Катенька вспыхнула. Этот парень в грубой одежде и вонючих сапогах, который несколько дней назад работал батраком, научился складывать дроби за несколько минут, а она не может этого сделать уже неделю. Нет! Такого выдержать нельзя.

– Мадам Боже, пожалуйста, я тоже хочу решить несколько задачек.

Катенька вскочила и нетерпеливо переминалась, пока гувернантка писала примеры. Потом девушка, закусив губу, стояла в раздумье у доски, но все же после подсказки смогла справиться с заданием. Она торжествующе посмотрела на Николку и села на место, не заметив взглядов, которыми обменялись мадам Боже и Карл Францевич.

Они занимались еще с час, и потом для Кати занятия были завершены. Сегодня ее ждала только прогулка и вечернее музицирование. Для Николки же занятия только начинались. Карл Францевич не зря заявился с утра пораньше. Илья Игнатьевич велел ввести Николку в курс всех хозяйственных дел имения. Спокойный, рассудительный саксонец без особого удивления воспринял приказ нанимателя. За прошедшие годы он уже привык, что решения Ильи Игнатьевича оказываются верными и приносят прибыль. Когда же он увидел, как легко в уме решает задачки молодой парень, то не выдержал и начал задавать ему свои. И оказалось, что там, где ему надо брать в руки счеты и неоднократно перекидывать косточки на спицах, Николка вмиг решает это все в своей голове. Так что он резко умирил свой снисходительный тон, с которым обращался к недавнему батраку. Он нюхом почуял, что этот паренек далеко пойдет, и в скором времени, если ничего не случится, может стать ближайшим помощником Вершинина.

Сегодня, когда Николка пришел на кухню, отношение к нему было совсем другое.

– А вот и Николай Егорович подошли, – почти пропела одна из поварих, – а мы-то гадали, когда вы будете. Вот садитесь здесь, чичас супчику вам налью. Похлебайте, а я покась вам второго накидаю.

Удивленный таким отношением к себе кухонного состава, он не знал, что примерно за минут десять до его появления на кухню заглянул один из слуг и громко сообщил:

– Не поверите, что счас видал. Этот Николка из комнаты под ручку с Карлой вышел. А тот с ним так уважительно разговаривал. Не то что вчера со мной, сразу без разговоров в харю дал, вон синячину какую подвесил. Не иначе, как учуял, что барин к Николке благоволит. На цирлах теперь вокруг него ходит. Так что смотрите, с Николкой поласковее быть надобно.

Оставшуюся часть дня у Николки заняло хождение по имению, ознакомление с хозяйственными книгами. К вечеру он уже кое-как общался с Карлом Францевичем на немецком языке, отчего последний пришел в восторг, потому что с остальными работниками он говорил только на ломаном русском языке, и, несмотря на то что он уже пятнадцать лет жил здесь, иногда его не понимали, чем приводили обычно спокойного саксонца в ярость.

Вечером уставший донельзя парень добрел до людской, где все уже собирались спать. Заждавшаяся бабка положила ему в миску каши, и он, обжигаясь, ел ее под жалостливым бабушкиным взглядом.

– Замотал тебя вконец Карла нерусская, – причитала она, – что же барин из тебя сделать хочет. Вон уж и меня народ сторониться стал, думают, с чего это барин так высоко тебя вознес, может, наушницаешь ты ему.

Николка молча доел кашу и сказал:

– Собирайся, бабушка, нам с тобой Карл Францевич отдельный апартамент выделил. Теперь там будем жить.

Бабка ахнула и всплеснула руками.

– Господи боже ж ты мой, что на свете деется, не думала никогда, что до такого доживу, в какой-то партамен отправляют! Николка, а в этой партаменте хоть крыша есть?

Внук улыбнулся.

– Да не волнуйся ты, комнатка это маленькая, каморка, рядом с дворницкой. Но зато там мы только вдвоем будем жить, а не как здесь на полатах вповалку спать.

– О-хо-хо, грехи мои тяжкие, – ворчала Глафира, собирая свои немногочисленные тряпки. – За что Господь мне такие испытания посылает под старость лет.

Времени это много не заняло, и вскоре они покинули людскую и направились к задним дверям господского особняка. Дворник уже спал, но дверь была открыта, и Николка повел бабушку в узкий коридор, по которому прислуга разносила дрова к печам и все прочее, включая продовольствие для кухни, чтобы проза жизни не мозолила глаза хозяевам и их гостям. Он открыл неприметную дверь напротив другой, из которой доносился богатырский храп дворника. Действительно, это была каморка, небольшая комнатка с двумя топчанами, небольшим дощатым столом, печи в ней не было, но в одной из стен был виден печной щит. Бабка сразу направилась к нему и с удовлетворением отметила, что он горячий.

– А Степка дело свое знает, – похвалила она истопника, – глянь, как жарко натопил. Давай-ка, внучок, перетащи топчан к щиту, – деловито добавила она, – я рядом с ним буду спать.

Николка вмиг перетащил топчан, с удовлетворением отметив, что в комнате стало немного просторней и можно без труда усесться за стол.

– Внучок, – вновь обратилась к нему бабушка, – может, расстараешься насчет горшка, а то ночью прижмет, не знаю куды и бежать, еще сломаю здесь чего.

Николка внутренне поморщился, но, подумав, все же решил отправиться на поиски подходящей посуды. Поиски увенчались успехом, он вскоре обнаружил старое деревянное ведро с замерзшей в нем водой. Оно было поставлено в угол за топчаном. На этом приготовления ко сну были закончены, бабушка повалилась на топчан к теплому печному щиту и захрапела.

Николке не спалось, он уселся за стол и уставился в небольшое оконце, в котором кроме черноты ночи не было видно ни зги.

Он сидел и обдумывал прошедший день, сегодня он узнал очень много нового. Но почему-то мысли все время возвращались к хрупкой фигурке Катеньки Вершининой и ее презрительной усмешке, когда она отсела подальше от него во время занятия. Николка пытался понять, почему его так это волнует, но объяснения этому волнению не нашел. Но тем не менее, когда он засыпал, перед его внутренним взором стоял ее силуэт, белые худенькие плечики и темные локоны, падающие на них.

Следующим днем у мадам Боже произошел примечательный разговор с помещиком.

– Илья Игнатьевич, – обратилась она к нему, – вы поручили мне провести занятия по математике с этим молодым человеком. Хочу вам сообщить, что еще одно-два занятия и мои скромные познания в этой науке будут исчерпаны. Я все же занимаюсь воспитанием и образованием девушек, так что, если вы намерены продолжать образование вашего крепостного, то вам придется нанимать ему настоящего учителя.

Вершинин согласно наклонил голову.

– Мадам Боже, отлично понимаю вашу проблему. Думаю, что ему хватит и ваших уроков. Для моих целей этого будет вполне достаточно. Поэтому пока обойдемся без учителя. Кстати, что вы думаете по поводу Николки, вы когда-нибудь видели что-либо подобное?

Мадам Боже задумалась.

– Нет, вы знаете, никогда не встречала таких талантливых учеников. Вы заметили, он ведь не просто обладает феноменальной памятью, у него гибкий и пытливый ум. И поэтому его вопросы часто приводят меня в замешательство. Не знаю, что и думать. Временами кажется,

что здесь просто воля providения. – И мадам Боже истово перекрестилась, что сделал и Илья Игнатьевич. Но по его лицу было видно, что в волю providения он не особо верит.

Он еще немного поговорил с гувернанткой и с удовлетворением услышал, что барышня взялась за ум и, глядя на успехи Николки, быстро овладевает несложными арифметическими действиями.

За завтраком Вершинин обратил внимание на странную задумчивость своей дочки.

Она витала где-то далеко, даже не обращала внимания на него.

Но все же, наконец спустившись с небес, она спросила:

– Папенька, так, может, ты попробуешь узнать подробней про Николку, помнишь, мы вчера говорили о его происхождении?

Вершинин нахмурился.

– Катенька, а зачем тебе это нужно, допустим, мы даже что-то выясним, и что дальше? Он от этого не перестанет быть нашим крепостным крестьянином, которого мы можем продать, наказать или женить, хотя это и незаконно.

Глаза девушки наполнились слезами.

– Каким ты можешь быть жестоким, папа!

Она резко встала и вышла из-за стола.

– Я пойду к себе, мне надо подумать, – бросила она через плечо отцу.

Вершинин нахмурился.

– Однако, – сказал он сам себе, – дело-то приобретает нежелательный оборот. Мне еще не хватало с дочерью проблем, может, отправить этого парня обратно в Чугуево? Нет, такими людьми не разбрасываются, – все же решил он, – надо только быстрее устроить прием и бал, через две недели именины Катеньки, вот и пригласим гостей. Кстати, у Старославцевых Артемий приедет. Очень приятный молодой человек и воин уже опытный. Может, Катенька им увлечется, да и он ее заметит. Он ее видел еще совсем девчонкой, а сейчас она уже девушка. А уж потом отправлюсь я в поле. Надо и на охоту прокатиться.

И Илья Игнатьевич, забыв обо всем, углубился в свои мечты, в которых он спрыгивал с коня и сострунивал огромного черно-серого волка, вокруг которого сгрудилась стая злобно рычащих и лающих борзых. Его мечты были прерваны появлением управляющего, который начал выкладывать свои комплименты по поводу Николки.

– Представляете, Илья Игнатьевич, этот kerl умудрился найти две ошибки в моих записях, а я их не замечал вовсе. Я бы хотел, чтобы он у меня остался в помощниках.

– Хорошо, – согласился Вершинин, – пусть пока будет в твоём распоряжении, а потом посмотрим. Ты и проследишь за его обучением, и через недельку-другую доложишь мне, как обстоят дела. И еще, Карл Францевич, – тут он понизил голос, – будешь докладывать мне, как часто он встречается с Феклой, где и как долго.

Карл Францевич без эмоций, не моргнув глазом, выслушал наказ хозяина, только слегка поклонился в знак согласия. И ушел заниматься делами. Сам же Илья Игнатьевич, немного поразмыслив, отвлек свою любовницу от домашних дел и предложил ей немного приодеть его новое приобретение.

– Ма шер, – сказал он ей, когда Фекла, удивленная неожиданным его вызовом, появилась перед ним, – мне кажется, что надо немного приодеть Николку, привести его, так скажем, в божеский вид. Негоже, что по дому ходят в таком виде, тем более что он еще занимается вместе с Катенькой. Выбери что-нибудь из моего старого платья и сапожки смени.

Фекла, так же как и Карл Францевич, поклонилась и без звука пошла выполнять распоряжения своего хозяина и любовника. Илья Игнатьевич удивленно хмыкнул, заметив отсутствие возражений. И пошел переодеваться для поездки на охоту, он все же решил исполнить свою вечернюю мечту сострунить волка, тем более что егеря доложили, что в недалеком лесном острове днюет семья волков, и поднять ее не составит труда.

Николка зашел в свою комнатку после учебы. Сегодня он на занятии уже почти совершенно свободно разговаривал по-французски с мадам Боже на бытовые темы, и дело было только за словарным запасом. После одиннадцати часов к ним присоединилась Катенька. Но вела она себя странно, ее глаза были красными, как будто она недавно плакала, она была резка и даже нагрубила мадам Боже, потом все же извинилась за свое поведение и сидела молча, уткнувшись носом в стол. Николку она как будто не замечала, и даже не взглянула в его сторону. Но на вопросы мадам Боже отвечала хорошо и решила все задачки.

Николка сел за стол, и задумался.

«Странно, почему Екатерина Ильинична так себя ведет, видимо, ей не нравится, что я с ней вместе занимаюсь, и зачем только Илья Игнатьевич так решил?» – думал он.

В это время дверь открылась и в нее зашла Аленка, в одной руке она несла одежду, висевшую на плечиках, а в другой сапоги.

– Вот, получай барскую милость, – почему-то сердито сказала она. – Фекла Прововна приказали тебе отнесть и распорядилась, чтобы ты ее сразу надел и носил каждый день. Смотри, не порви, одежда денег стоит, а про сапоги я и не говорю. И чего барин так на тебя тратится, в первый раз такое вижу. Ведь он всегда скуповат был.

Она кинула всё на топчан и вышла, хлопнув дверью. Отправилась она напрямик на кухню, где обстоятельно обсудила эту новость с поварами и всеми, кто туда заходил. Через час о неожиданной барской милости знала вся дворня. А ее итоги подвел Ефим, который со вчерашнего дня очень сильно невзлюбил Николку.

– Ну-ну, лети, орелик, лети. Поглядим, как падать будешь.

Между тем Николка разбирался в одежде, которую ему принесли.

И тут в комнату заскочила Глафира, которой уже донесли о неожиданном подарке барина.

– Да, что же такое творится, наверно, нашествие Антихриста грядет, – с ходу начала она свой монолог. – В жисть не слыхивала о таком, моему дурилку с барского плеча кафтан дарят. Впору плохое думать начать.

– Да что, бабушка, плохого ты в этом нашла? – спросил Николка простодушно.

– Да я что, ничего, – засмушалась бабка, – знаю ведь, что барин наш к мальчонкам равнодушен, но ведь душа человеческая – потемки, не заглянешь туды, может, он и переменится и теперь на тебя глаз положил, как и клуши эти.

Тут до Николки дошло, о чем говорит бабка, и он возмутился:

– Ну, что ты, бабушка, мелешь, как не стыдно такую ересь нести, не знаю, конечно, чего Илья Игнатьевич такой щедрый стал, но точно, не из-за того, о чем ты говорила, – сказал он ей.

Но разговор не мешал ему переодеваться, бабка тоже прекратила ворчание и начала ему помогать надевать непривычное белье. Почти белая застиранная рубашка, плотно прилегающая к телу, со стоячим воротником. Панталоны на штрипках, жилет и, наконец, шерстяной редингот, вышедший из моды уже лет двадцать.

Бабка отошла к дверям и критически осмотрела внука единственным глазом.

– Ну вылитый отец, – сказала она категорично.

– А что, у отца был похожий наряд? – тут же спросил Николка, которому хотелось до ужаса увидеть свое отражение в зеркале, но его, увы, тут не было.

В ответ бабушка понесла что-то невразумительное, однако парню было не до этого, он повязал себе платок на шею, надел сапожки мягкой кожи и понесся в вестибюль, смотреться в зеркало.

Он поворачивался перед зеркалом со всех сторон, не замечая, что за ним наблюдает не одна пара любопытных глаз.

Наконец, он закончил любование и собрался идти к себе. Но тут с мраморной лестницы раздался удивленный возглас:

– Ой, а кто это к нам приехал?

Николка поднял голову, с лестницы удивленно смотрела Катенька. Она была ярко освещена лучами солнца, и слегка шурилась, глядя на него.

По выражению ее лица было ясно, что она не узнала его и сейчас пытается понять, кто же это такой. Но тут она прошептала:

– Николка, это же ты! Я тебя не узнала в этой одежде.

И покраснев, побежала обратно по лестнице, звонко цокая каблучками туфель.

Поздно вечером уставший Илья Игнатьевич вернулся с охоты, замерзший, голодный и слегка пьяный, стоял перед особняком, разглядывая двух лежащих волков с перевязанными пастями и торчавшими из них деревяшками.

Вся дворовые высыпали на улицу и рассматривали огромных зверей. Те, кто храбрее, подходили и дотрагивались до нервно вздрагивающих животных. В свете факелов Илья Игнатьевич увидел знакомое лицо и хотел крикнуть:

– Андрей! – но вовремя остановился. Какой Андрей? Шеховской уже лет пять не может выбраться из дома из-за подагры. И лицо было совсем молодое.

Он вновь глянул в ту сторону. Рядом с волками стоял Николка Лазарев в его старом наряде, который провалялся десяток лет на антресолях, и сейчас так напоминал его давнего друга, что у Вершинина побежали по спине мурашки.

«Неужели Катенька права? И может ли быть этот Николка сыном Шеховского? Но как это могло случиться?»

– Ай, ерунда это всё, просто игра теней, отблеск факела, вообще показалось, и всё, – сказал он сам себе и пошел в дом. За его спиной дюжие егеря легко подняли волков на палках и понесли в клетки, где тем придется сидеть до натаски борзых.

Ночью он внезапно проснулся. Рядом с ним тихо спала Фекла. Ей было жарко в натопленной спальне, она откинула одеяло со своей стороны кровати, ее красивая грудь белела в лунном свете, проникающем под прозрачное покрывало балдахина.

Как только он пошевелился, Фекла также открыла глаза.

– Ты что не спишь, Илья? – тихо спросила она. – Может, тебе квасу принести? Или хочешь чего другого, – и ее рука скользнула к нему в низ живота и осторожно погладила член.

– Нет, Феклуша, – ответил Вершинин, – просто не спится, мысли разные в голову лезут. Вот все думаю, показалось мне или нет, вроде Николка на Шеховского сильно смахивает в молодости. Как ты смотришь на это, ведь князя не один раз видела?

– Не знаю, Илюша, я ведь его в молодости не видывала, тебе лучше знать, но сходство некоторое имеется. А к чему ты спрашиваешь?

– Да, понимаешь, мне ведь даже сегодня показалось, что Андрей собственной личностью здесь стоит, до того похож парень. Я сейчас думаю, может, я из-за этого к нему так отнесся, что он мне Андрея напомнил, а я даже сразу и не сообразил.

– Может, это сын его внебрачный, – несмело предположила Фекла, – мало ли, на охоту он к тебе приезжал в те годы часто. Вот и сладил дело.

– Хм, а может быть и так, – заключил Вершинин, – завтра бабушку его разговорю, может, старая карга и вспомнит чего.

Но сразу уснуть ему не удалось, он все крутился в постели, тогда Фекла вздохнула и опустила голову к нему на живот. Вершинин почувствовал, как теплые губы втянули в себя его естество, и тихо застонал от наслаждения.

Утром, когда он проснулся, Феклы уже в постели не было. Он вздохнул и повернулся на другой бок. Серый мрачный рассвет настраивал на продолжение сна. Но какое-то беспокойство не оставляло его. Илья Игнатьевич тяжело вздохнул и встал. Накинул шлафрок и как есть прошествовал в нужник. Выглянув в окно, увидел, как во дворе раздает зуботычины Карл

Францевич, а рядом с ним стоял Николка, который был выше немаленького немца почти на полголовы.

«Ага, вот из-за чего я проснулся, – сообразил Вершинин, – мне эта схожесть покоя не дает». Он подошел к секретеру, стоявшему в углу спальни, и начал перебирать содержимое ящичков. Наконец в самом нижнем он нашел, что искал. В руках у него была миниатюра, на которой были изображены рядом два бравых гусара в расстегнутых ментиках и доломанах. Один из них, который был повыше ростом, держал в руках кивер, оставив открытыми кудрявые белокурые волосы.

За его спиной раздались шаги.

– Что случилось, Илья Игнатьевич? – спросила Фекла. – Что ищешь, может, я помогу найти.

Вершинин, слегка покряхтывая, поднялся на ноги и показал миниатюру своей любимице.

– Посмотри, не видишь ли здесь кого знакомого?

– Ну, вот это ты, конечно, – сообщила Фекла, – а вот это Николка? Нет, погоди, неужели это князь Шеховской? Сколько же вам тут лет?

– Э-хе-хе, – вздохнул Вершинин, – давненько это произошло, как раз в Париже нас художник зарисовал. Уж тридцать лет тому назад дело было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.